

Рыцарь ночи

Ярослава Лазарева

Легенда ночи

«Автор»

Лазарева Я.

Легенда ночи / Я. Лазарева — «Автор», — (Рыцарь ночи)

Любовь творит чудеса, но она не способна сделать из вампира человека, каким когда-то был Грег... а именно этого страстно желают он и Лада. Молодые люди узнали о старинной легенде, скрывающей секрет перевоплощения. За точным текстом предания им необходимо отправиться в Лондон к древнему и самому безжалостному вампиру клана – Атанасу. Может быть, увидев, как влюбленные счастливы друг с другом, он согласится открыть им тайну?

© Лазарева Я.

© Автор

Содержание

Часть первая. Поверье	5
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Ярослава Лазарева

Легенда ночи

Часть первая. Поверье

*Вонзился шип. Отброшу розу!
Но сердце, не страшась угрозы,
Раскрылось... Ранит острое
Любви... И сердце жжжет мое.*

Рубиан Гарц

Я сидела на лекции по сценарному мастерству, но совсем не слушала преподавателя. Мой взгляд постоянно обращался к окну. Февраль в Москве выдался снежным. Казалось, природа наверстывает аномально теплую осень и начало зимы и спешит выдать всю порцию холодов и снега. Вот и сейчас в огромное окно аудитории беспрерывно летели крупные снежинки, и от этого пейзаж за стеклом казался размытым и искаженным.

– Лада, вы не соблаговолите повторить, что я сейчас рассказывал? – раздался громкий голос, как мне почудилось, прямо над моим ухом.

Я вздрогнула и повернула голову. Наш преподаватель стоял в проходе между столами и пристально смотрел на меня.

– Я, конечно, понимаю, что вид за окном кажется вам куда интереснее, чем та информация, которую я пытаюсь донести. Но все-таки? Я жду!

Моя однокурсница Ира, сидящая рядом со мной, быстро повернула раскрытый ноутбук, я скосила глаза и четко прочитала:

– Даже в самом коротком рекламном ролике мы должны соблюдать основные законы драматургии, то есть обязательно должны быть экспозиция, завязка, развитие сюжета, захватывающая дух кульминация и развязка. Иначе получится бесхребетное произведение, похожее на недоваренную кашу.

Я увидела, как у преподавателя взлетели брови.

– Я так и сказал «недоваренная каша»? – явно удивился он.

В аудитории раздалась смешки, затем несколько голосов подтвердили «кашу».

– Ну хорошо, хорошо! – улыбнулся преподаватель. – Главное, чтобы вы потом вот такую размазную на экран не выдавали. Спасибо, Лада! – зачем-то поблагодарил он и вернулся к своему столу. – Продолжим?

Он начал говорить, яглянула на улыбающуюся Иру и тихо сказала:

– Спасибо! Выручила!

Она лишь кивнула и вновь начала стучать по клавиатуре. Я вздохнула и тоже уткнулась в экран своего ноутбука. Но никак не могла сосредоточиться на предмете. Буквально через пять минут перестала слышать о важности правильно выведенной кульминации и отдалась своим мыслям.

Не могу сказать, что мне не нравилось обучение. Правда, я пока была на первом курсе, но предметы оказались очень интересными. И я сама выбрала профессию режиссера рекламы и поступила именно в этот институт. Правда, моя мама настаивала на медицинском образовании. Она много лет работала акушеркой и мечтала, чтобы я, ее единственная дочь, пошла по ее стопам. Но такая специальность меня совершенно не привлекала. Я с детства отличалась буйным воображением, любила фантазировать, придумывать всевозможные истории, поэтому

стать режиссером рекламы, или, как нас еще называли, клипмейкером, мне показалось очень заманчивым и соответствующим моему характеру и способностям. И пока я не разочаровалась.

Но именно сегодня я никак не могла сосредоточиться на лекциях. С утра странная тоска не давала покоя. Я думала лишь о Грее, он буквально стоял у меня перед глазами. Мы не виделись уже больше месяца, я ничего не знала о нем, он все это время не выходил на связь. Его не было ни «ВКонтакте», ни в аське, его телефон находился постоянно «вне зоны». И Грег ни разу за это время не приснился мне, что меня особо угнетало.

Мои пальцы машинально набирали текст лекции. Но вот я снова перестала слышать, что говорит преподаватель, и думала лишь о моем любимом.

С Грегом я познакомилась прошлой осенью. Это было в октябре. Произошло это случайно. Хотя сейчас я думаю, что все в этом мире предопределено и случайностей, как таковых, не бывает. Я однажды прочитала в высказывание Анатоля Франца: «Случай – это псевдоним Бога, когда он не желает подписываться своим именем» и была с ним полностью согласна. Мама тогда отправила меня на несколько дней в деревню к бабушке. Осень была необычайно теплая и туманная. 19 октября у меня день рождения. Это было, насколько я помню примерно за неделю. Кстати, как потом выяснилось у Грега день рождения тоже в октябре, но 21-ого. И ему тоже 18 лет, как и мне. Но... ему всегда 18, а вот я взрослею, и это неизбежно. Я вдруг представила, что мне уже сорок, я выгляжу располневшей, с морщинами на лице и тщательно покрашенными волосами, чтобы скрыть седины, а рядом мой любимый, все такой же юный, стройный, с нежной белой кожей, ясными голубыми глазами, густыми черными блестящими волосами. Подступили невольные слезы, и я отвернулась в заснеженное окно.

– Вот вы думаете, что законы драматургии это что-то отвлеченное, научное и ничего общего с обычной жизнью не имеющее, – вдруг услышала я громкий голос преподавателя и отвернулась от окна.

Он медленно ходил по проходу между столами, и эта фраза отчего-то привлекла мое внимание. Но, как я поняла, не только мое, но и остальных студентов, так как в аудитории наступила тишина.

– Что вы имеете в виду? – раздался звонкий голос одного из моих сокурсников.

Преподаватель остановился и повернулся. Его глаза блеснули.

– Эти законы отлично применимы в жизни и помогают понять лучше всяких доморощенных психоаналитиков... к примеру, то, что происходит между двумя влюбленными.

– А если трема? – раздался озорной голосок.

И все дружно рассмеялись.

– Количество партнеров сути не меняет, – не смутился преподаватель. – Вы анализируете, понимаете, когда в отношениях наступила завязка и, вооруженные знаниями, можете отслеживать, как пойдет развитие... сюжета, то бишь, развитие ваших отношений. Также вы четко знаете, что развитие отношений непременно приведет к кульминации. Без этого никуда! А за этим всегда следует развязка. Кстати, именно этот момент эдакого спада часто приводит к ссорам и разрыву. Если все это понимать, то можно так выстраивать отношения с партнером, что избежать подобных спадов и ссор вполне возможно.

– Но ведь это получается манипуляция чистой воды, – вдруг сказала Ира. – И разве в любви это возможно? Когда любишь, то полностью теряешь голову, тут уж не до отслеживания всех этих кульминаций, развязок и тому подобного.

Все притихли и внимательно смотрели на преподавателя. Он поправил очки, вздохнул и сказал, что мы пока дети, верим во всякие романтические бредни, а любовь – это такое же искусство и, хотим мы этого или нет, но оно строится по вполне определенным законам.

– Закончим это лирическое отступление и вернемся к материалу, – добавил он. – Кульминаций в сюжете может быть несколько, но по накалу они всегда разнятся...

Но я уже не слушала. Полученная только что информация заставила задуматься. Да, несомненно, в чем-то наш преподаватель был прав. «Экспозицией» наших с Грегом отношений можно было считать ту первую встречу. Я увидела драку в овраге. Деревенские парни напали на незнакомого мне молодого человека. С первого взгляда он произвел на меня неизгладимое впечатление своей утонченностью, бледностью, аристократизмом и какой-то странной неуязвимостью. Он небрежно отмахивался от парней, как от надоедливых мух. Их жутко бесило, что они втроем не могут с ним справиться. Когда я вмешалась, они убежали. Так я и познакомилась с Грегом. Но он тогда даже не попытался взять мой телефон, что меня, конечно, сильно задело. А вот «завязка» произошла несколько позже. Я вновь встретилась с ним в ночном клубе буквально через несколько дней и в первую минуту не узнала его, так как из брюнета с короткой стрижкой он превратился в длинноволосого блондина.

Я улыбнулась, вспомнив, как тогда недоумевала, глядя на него, а потом злилась его явному равнодушию, но он вдобавок еще и пригласил мою подругу Лизу покататься на машине. Сейчас я знала, это была продуманная тактика, чтобы привлечь мое внимание.

«Милый мой, любимый! – с тоской думала я, вновь глядя в окно. – Где ты сейчас? Я так хочу увидеть тебя, поговорить, прижаться, обнять, почувствовать твои поцелуи!»

– Ладка, ты чего сегодня такая? – раздался шепот, и я украдкой вытерла глаза.

Повернувшись, столкнулась с любопытным взглядом Иры.

– Случилось чего? – продолжила она. – Смотрю, ты опять лекцию не пишешь. Преподаватель уже на тебя косится.

– Так... обдумываю то, что он сказал о развитии отношений по определенным законам, – тихо ответила я.

– Не иначе с парнем своим поругалась, – сделала она странный вывод.

Я внимательно посмотрела на Иру. Мы как-то сразу подружились еще с начала занятий, и с ней я общалась больше других. А после новогодних каникул Ира решила, что стала моей лучшей подругой, уделяла мне много внимания и постоянно сидела со мной на лекциях. Хотя мне, по большому счету, было все равно. Ее круглое румяное лицо, каштановые волосы, подстриженные в короткую мальчишескую стрижку, карие небольшие глаза и пухлые красные губы были не лишены привлекательности. Правда, излишний вес, на мой взгляд, портил ее фигуру. Но Ира абсолютно не комплексовала по этому поводу. Она имела общительный характер и со всеми находилась в отличных отношениях. Но я никогда с ней не откровенничала и не делилась своими переживаниями. Поэтому меня немного удивило такое предположение.

– С чего ты взяла, что у меня вообще есть парень? – прошептала я.

– Конечно, есть! Просто ты очень скрытная, Ладка, – с обидой заметила она. – А ведь мы лучшие подруги!

– Подруги, – не совсем уверенно повторила я.

– Вчера совершенно случайно увидела его, – продолжила Ира. – И он очень хорош собой. Как не влюбиться в такого интересного парня!

При этих словах я так сильно вздрогнула, что дернула «мышкой», и тут же выпустила ее, с испугом глянув в экран монитора. Но с файлом все было в порядке.

– Поясни, – взволнованно сказала я, повернувшись к ней.

Она молча пододвинула мой ноутбук, свернула текст лекции, зашла в «Мои документы» и открыла фотографию.

– Ты же сама мне вчера разрешила после второй пары почитать материал про Дзеффирелли¹ у тебя в ноуте... пока ты ходила перекусить, – пояснила она. – Но я совершенно случайно открыла этот снимок.

¹ Франко Дзеффирелли – итальянский режиссер

– Случайно?! – раздраженно спросила я. – А не потому ли, что заметила подпись «Грег и Лада»?

– Ну прости! – умильным тоном сказала Ира и заглянула мне в глаза. – Любопытно стало!

– Надеюсь, ты никому тут его не демонстрировала? – поинтересовалась я.

– Что ты! Никому! – заверила она, округлив глаза.

Мы замолчали и обе посмотрели на открывшуюся фотографию. Увидев такое любимое мной бледное лицо Грега, я закусила губу. Это была фотография картины, где мы изображались сидящими на земле спинами друг к другу, причем Грег находился как бы в ночи, а я – на свету. Я смотрела на его белый точеный профиль, на короткие черные волосы, на бледно-розовые приоткрытые губы, и нежность заполнила меня. Я погладила монитор с его изображением.

– Красавчик, – восхищенно прошептала Ира. – Но и ты тут просто прелесть!

Я перевела взгляд на свои распущенные светло-русые волосы, золотящиеся на солнце, на розовое лицо с серыми глазами, небольшим чуть вздернутым носом и улыбающимися красными губами. На этой картине я нравилась сама себе, но мне казалось, что Рената чуть украсила мою внешность.

– А ваши фотки есть? – не унималась Ира. – А то тут вы нарисованные.

– Это его сестра так нас увидела... в своей фантазии, – тихо проговорила я. – Она очень талантливый художник.

– Ага! Но хотелось бы посмотреть на твоего мальчика живьем...

Но я не успела ей ответить, преподаватель приблизился к нам и грозно сказал, что кульминацией сегодняшней лекции, по всей видимости, явится наше немедленное изгнание из аудитории.

– Если вам настолько неинтересен материал, – добавил он, – вы можете вообще не посещать мои занятия. Но и на зачет тогда надеяться бессмысленно.

– Простите, – пискнула Ира и выпрямилась.

– Мы – само внимание, – сказала я и обворожительно улыбнулась ему.

– Последнее предупреждение, девушки, – заметил он и отошел от нашего стола.

Я закрыла снимок, и уткнулась в текст лекции. Но по-прежнему не могла сосредоточиться.

«И у нас была своя кульминация, – думала я. – Это случилось, когда я уже безумно влюбилась в Грега и узнала, что он... вампир».

Я повторила про себя это слово, но оно уже не пугало меня, как раньше. Тогда в моей жизни появилось сразу несколько новых знакомых. Помимо Грега я общалась с Динаром, которого обычно звали Дино. Мне он поначалу казался простым пареньком, равнодушным ко мне и поэтому уделяющим моей персоне пристальное внимание. Альбинос Дино с узкими восточными глазами, высокими скулами и белыми волосами выглядел необычно и сразу привлекал внимание. Ему было 22 года, и мне он показался взрослым и умным.

Грег познакомил меня с Ренатой. Правда, поначалу и она казалась мне довольно странной девушкой. И вот как-то мы все оказались в одном из подземелий Москвы. Никогда не забуду этого шока. Ведь я думала, что люди, с которыми я общаюсь последнее время, милые обычные ребята. И вдруг узнаю, что Грег и Рената – вампиры, а Дино – охотник. Он оказался дампиром, то есть рожденным от земной женщины и вампира. Я служила лишь приманкой, с помощью которой он вышел на Грега и Ренату.

В этот момент лекция закончилась. Я закрыла ноутбук и глянула на Иру. После второй пары я отчего-то устала, начала болеть голова. Мы должны были идти в учебную монтажку. Но я решила отправиться домой.

– Перекусим? – предложила Ира.

Я глянула на ее круглое улыбающееся лицо, потом перевела взгляд на собирающихся сокурсников. Я знала, что многие меня не любят, считая слишком гордой и необщительной.

Но вместе с тем я пользовалась большим успехом у парней нашего курса. Я однажды за неделю получила приглашение на свидание почти одновременно от пяти моих одноклассников и удивилась такой популярности. Но потом поняла, что мой замкнутый вид, отсутствие кокетства в сочетании с хорошеньким личиком и ладной фигурой притягивает противоположный пол. К тому же подсознательно они чувствовали, что я совершенно не интересуюсь ни одним из них. А, как известно, минус притягивается к плюсу. Я навсегда запомнила фразу из одного фильма. У героя спрашивают: «Почему ты так сильно любишь ее?» и он отвечает: «Потому что я ей... не нужен». А мне действительно не был нужен ни один из этих парней, мое сердце навсегда было отдано Грегу. Навечно.

Но из-за моего успеха у одноклассников все девушки дружно невзлюбили меня. И только Ира общалась со мной с искренним удовольствием. Я ценила это, ее открытый характер нравился мне, хотя часто думалось, что она не так проста, как хочет казаться.

– Лада, ты сегодня определенно зависаешь, – заметила Ира, так и не дождавшись ответа.

– Знаешь, я домой пойду, – сообщила я. – С утра что-то голова болит, неважно себя чувствую.

– Так еще занятия по видеомонтажу, – сказала она. – Пропустишь?

– Скорей всего, да, – кивнула я. – Дашь потом списать?

– Сегодня же тема «Кодирование фильма в MPEG-4», а потом в монтажке еще работать будем.

– И что? – ответила я. – Не могу, понимаешь? Голова просто раскалывается!

– А таблетку? – озабоченно предложила Ира.

– Принимала, не помогло...

– Давление, наверное, – пробормотала она. – Или из-за парня своего страдаешь?

Я не ответила, ее настойчивое любопытство начало раздражать. Я сунула ноутбук в сумку, покидала туда остальные вещи и отправилась к выходу из аудитории.

Когда оказалась на улице, то вдохнула полной грудью морозный воздух и подставила лицо под летящие снежинки. Они скользили по моим щекам, охлаждали их, таяли на губах.

– О, какая хорошенькая снегурка! – раздался мужской голос.

Я открыла глаза и недовольно глянула на проходившего мимо мужчину. Он зачем-то подмигнул мне и устремился дальше по улице.

«И чего пристают? – подумала я, но начала улыбаться. – А ведь я даже без косметики!»

Последнее время, действительно, представители противоположного пола стали обращать на меня намного больше внимания, чем раньше. Конечно, я уже не была школьницей, а училась в институте, но я бы не сказала, что как-то кардинально поменяла внешность. Стиль одежды стал более строгим, но это лишь когда я ходила на лекции. А остальное время по-прежнему носила джинсы, кроссовки, свитера, куртки с капюшонами. Мне было удобно в спортивной одежде. Мама, правда, пыталась как-то повлиять на меня и предлагала купить что-нибудь элегантное или даже гламурное, но меня раздражали вычурные наряды в «псевдогламурном» стиле. Но многие студентки одевались именно так. Мне казались смешными и нелепыми все эти короткие юбки, узкие сапоги на высоченных каблуках, обтягивающие кофточки с неприличными декольте и обязательными блестящими пайетками или стразами. Макияж часто вызывал недоумение. Казалось, девушки приходят не на лекции, а на клубную тусовку, таким густым и вызывающим он был. Сама я косметикой практически не пользовалась, только если собиралась куда-нибудь в театр, клуб или на вечеринку к друзьям.

Лишних денег на какие-то изысканные наряды у меня не имелось. Родители давно развелись, и мама категорически отказывалась от помощи отца. На это были свои причины. И мы жили только на ее зарплату. Работая в частном роддоме, она, в принципе, получала неплохие деньги, но все равно при нынешней дороговизне нам не всегда хватало. Я уже подумывала о том, что пора начать подрабатывать, но мама была против. Она считала, что я должна закон-

чить хотя бы первый курс, а там уже решать, смогу ли выкраивать время на работу. Я получала платное образование, очень недешевое, надо сказать. И наши студенты были соответствующего уровня. Все они принадлежали к обеспеченным семьям, некоторые ребята были из известных киношных династий. И насколько я знала, никто из моих сокурсников не подрабатывал на стороне. Многие приезжали в институт на дорогих машинах.

Мое обучение оплатил отец. Он отлично устроился в жизни, работал PR-директором одного из крупнейших рекламных агентств Москвы и мог себе это позволить. Тогда я еще с ним общалась и считала его одним из лучших мужчин на свете. Но потом все изменилось.

Я свернула с Большой Андроньевской, на которой находился институт, на Таганскую улицу. Пройдя между домами, оказалась на Воронцовской. Мама работала посменно, и я знала, что сегодня у нее ночное дежурство. Зайдя в квартиру, позвала ее. Но ответа не дождалась. Видимо, мама ушла, причем недавно, я обнаружила на плите кастрюлю с еще горячим борщом.

Пообедав, отправилась в свою комнату и, постояв в задумчивости у компьютера, все-таки решила пока не усаживаться за него. Я легла на кровать и бездумно смотрела в потолок. Настроение, неважное с утра, окончательно упало. Я с трудом сдерживала слезы, тяжелая тоска навалилась на меня. Я легла на бок и глянула на картину, висящую на стене напротив кровати. Именно ее фотографию увидела Ира.

«Какая она любопытная! Лезет прямо в душу, все-то ей знать надо, – раздраженно подумала я и вытерла слезинки, появившиеся в уголках глаз. – Нужно удалить фотки картины из ноута».

Я взяла смартфон, воткнула наушники, нашла довольно старый альбом группы «Серебро» и вновь улеглась. Я смотрела на бледный профиль Грегa на картине и страстно желала, чтобы он оказался рядом со мной... и прямо сейчас.

Я вдруг вспомнила о необычайной способности Ренаты входить внутрь собственных картин. Это было ее любимое развлечение. Она рисовала солнечную опушку, покрытую цветами, затем оказывалась на ней и наслаждалась ясным летним днем без всякого вреда для своего организма. В обычной жизни и Рената и Грег избегали солнечного света. Нет, он не сжигал их, как это описано во многих легендах о вампирах, но в его лучах они впадали в состояние, похожее на анабиоз, и могли стать легкой добычей охотников.

Я смотрела на Грегa, привалившегося спиной ко мне. Картина словно делилась вертикально на две части. Он находился на половине, которая изображала глубокую ночь. Небо казалось настолько темным, что выглядело чернильным, земля окутывалась темно-серой с фиолетовым оттенком дымкой тумана, и ноги Грегa тонули в этой дымке. Но его бледный профиль был четко виден, и он выглядел как живой. Мне даже показалось в какой-то миг, что я заметила трепет его длинных ресниц...

Я настолько погрузилась в созерцание любимого лица, что начала успокаиваться и впадать в какое-то заторможенное состояние. Мои глаза медленно закрылись, улыбка приподняла уголки губ.

– Любовь в тебе и во мне... как опиум, как опиум, – повторила я слова из песни. – И я знаю, она никогда не закончится! – с жаром добавила я.

– Никогда не закончится, – услышала я нежный голос, зазвучавший словно эхо, и тихо рассмеялась.

Я почувствовала легкое щекотание ресниц по моей щеке, повернула голову и утонула в глубокой, кристально чистой голубизне глаз. Я увидела, как плавно опускаются длинные черные ресницы, прикрывая этот затягивающий в себя прозрачный омут, и счастливо вздохнула.

– Грег, – прошептала я в раскрытые губы, – ты вернулся...

Меня не удивило его внезапное появление. Ведь он был вампиром, а значит, обладал сверхспособностями и мог исчезать и появляться, где и когда ему вздумается.

– А я и не уходил, – еле слышно ответил он и легко прижался прохладными губами к моим задрожавшим губам. – Я всегда с тобой, любовь моя.

– Ты всегда рядом, – согласилась я. – И это упоительно! Но я так тоскую, когда не вижу тебя. Где ты был так долго?

Я отодвинулась, легла на бок и подперла рукой голову, не сводя с него глаз.

– Когда я оставил тебя..., – начал он.

– И это было в начале января, – с горечью заметила я, – а сейчас уже конец февраля.

– Но ты ведь не могла забыть, в какой момент я оставил тебя, – сказал он и лег на спину.

Я, едва касаясь, провела пальцем по его высокому гладкому лбу, затем спустилась по контуру носа и коснулась приоткрытых розовых губ. Грег вдруг слегка укусил меня за кончик пальца, я машинально отдернула руку, и он тихо рассмеялся.

– Видишь, я стал спокойнее относиться к твоей близости, – заметил он. – И даже могу легко покусывать тебя без опасения, что утеряю контроль.

И я вновь коснулась его губ пальцами, словно приглашая еще раз укусить. Но он лишь подул на них, смешно сложив губы в розовое «сердечко». Я тут же склонилась и припала к ним. Мне невыносимо хотелось почувствовать их вкус, окунуться в восхитительное ощущение близости, возникающее всегда, когда мы оказывались рядом. Это было ни с чем несравнимо. Мне казалось, все мое тело тает, мы сливаемся и превращаемся в одно существо, нас окутывает живая энергия нежности, ласковой теплоты, умиротворения, и мы попадаем будто бы в огромный светящийся кокон, до отказа заполненный любовью.

Грег целовал меня осторожно, но мне хотелось более сильных ощущений. Нежность разгоралась изнутри страстью, словно из прохладной сердцевины голубого колокольчика вырастала алая жаркая роза. Но я помнила, как обычно Грег реагировал на подобные бурные проявления, как он из нежного ласкового парня превращался в жаждущего крови вампира, с невероятным трудом останавливался в последний момент и оставлял меня. И я старалась изо всех сил сдерживать себя и целовать его мягко и легко. Но Грег в этот раз сам словно бы разгорался изнутри. И я почувствовала, что в глубине его холодной сущности начинает полыхать пламя. Он, не разжимая объятий, перевернул меня на спину и лег сверху. Я задрожала от ощущения его тела, мое домашнее платье из очень тонкого трикотажа словно исчезло, мне казалось, я лежу голой. Я обхватила Грега руками, мы целовались, не отрываясь.

И вдруг во время одного очень долгого и глубокого поцелуя я ощутила знакомое мне давление все увеличивающихся клыков, и невольно отпрянула. Грег оторвался от меня. Я смотрела на его бледное лицо и блуждающий взгляд, на приподнятую верхнюю губу, на обнажившиеся белоснежные зубы с удлинившимися кончиками острых клыков, но страха, как раньше, уже не испытывала. Я безоговорочно верила Грегу, и знала, что он ни за что не причинит мне вреда. Я просто ждала, когда он придет в себя.

И вот его лицо приняло невозмутимое выражение, кожа разгладилась, зрачки сузились. Красные губы побледнели, словно от них отхлынула кровь, и сомкнулись, спрятав зубы.

– Любимый, – тихо сказала я и, освободившись от его объятий, села, привалившись спиной к стене и поправляя сбившееся платье.

– Лада..., – прошептал он и глубоко заглянул мне в глаза.

– Ты еще не можешь спокойно переносить мою близость, – заметила я.

– Не могу, – после паузы ответил он и лег на спину, заложив руки за голову.

– Решения проблемы все еще нет? – еле слышно уточнила я.

– Я пытаюсь, – сказал он и закрыл глаза.

Когда я узнала, что парень, которого я полюбила всей душой и без которого не представляла дальнейшей жизни, вампир, то испытала шоковое состояние. Я пыталась забыть его, не встречаться, ничего больше не знать ни о нем, ни о его близких, но у меня ничего не получилось. Это было сильнее меня. Любовь, возникшая между нами, оказалась поистине нечелове-

ческой и какой-то гипнотической, она жила в нас вопреки всему. Грег рассказал мне о поверье, которое ходило между вампирами. Будто бы если невинная девушка с чистой душой искренне полюбит вампира, то он сможет пройти обратное превращение и стать обычным человеком. Когда я узнала об этом, счастье захлестнуло. Тогда исполнилась бы моя самая заветная мечта, Грег был бы со мной всю жизнь. Возможно, у нас родились бы дети. Я не хотела ничего другого.

Но все оказалось не так просто. Моя близость сводила его с ума, и мы ни разу не дошли до конца. Грег понимал, каково будет воздействие девственной крови на его вампирскую сущность, сопротивляться этому невозможно. Я была готова на все, лишь бы он стал обычным парнем, хотела полностью принадлежать ему. Но Грег ни разу не смог выдержать даже вполне невинные ласки. Его сущность мгновенно давала о себе знать, и он хотел лишь одного – укунить меня, напиться моей крови. Причем, ни он, ни Рената уже давно не охотились на людей. Они держали дома кроликов. Их кровь и служила им пищей.

Последний раз мы пытались в январе. Это было в его загородном особняке, который находился в деревне, где мы и познакомились. После Нового года я приехала к бабушке на пару дней. Грег ждал меня. Когда мы оказались в его особняке, то поднялись на второй этаж в его комнату. Мы целовались, ласкали друг друга... Но скоро я осталась в одиночестве, потому что Грег, почувствовав, что не может справиться с собой, исчез. Помню это ощущение пустоты и потери, охватившее меня. Я вернулась в дом бабушки, закрылась в комнате и проплакала несколько часов. А потом начала терпеливо ждать его возвращения.

Мы не виделись больше месяца, и мне показалось, что-то в нем изменилось. Я внимательно вглядывалась в его утонченное, аристократичное лицо, любовалась длинными ресницами, бросающими трепещущие тени на бледные щеки, тонким небольшим носом, изящно очерченными бледно-розовыми губами и не замечала особых перемен во внешности. Грег выглядел так же, как четыре месяца назад, когда я впервые его увидела. Но сейчас он казался мне более мягким и каким-то беззащитным. Грег напоминал милого маленького мальчика, в нем не осталось практически ничего от того загадочного жестокого молодого человека с демонической внешностью, каким я его знала в первый месяц знакомства. И эта метаморфоза вызывала прилив жалостливой нежности, появилось материнское желание защитить, оберечь, приласкать.

Я потянулась к нему, он сразу открыл глаза и повернулся ко мне. Я легла рядом, прижалась и положила голову ему на плечо. Он обнял меня и тихо вздохнул.

– Но должен же быть какой-нибудь выход, – сказала я, поглаживая его грудь, обтянутую сиреновой водолазкой. – Решение существует.

– Я уже не знаю, – ответил он. – Может, все это просто сказки, как считает Рената, и обратного пути нет.

– Что ты такое говоришь?! – возмутилась я и села, упираясь ему руками в грудь и глядя в упор. – Как это нет? Что с нами будет?

– Ничего, – усталым голосом произнес Грег, отводя от моего лица упавшие пряди. – Будем жить в том виде, в каком существуем. Обещаю никогда не предавать тебя, и не оставлю... до самого конца.

При этих словах слезы навернулись против воли. Я представила себя старухой рядом с юным влюбленным. Это видение посещало меня уже не раз и вводило в глубочайшую меланхолию. Да и какая бы девушка смирилась с подобным? Грег внимательно смотрел на меня. Я знала, раньше он легко читал все мои мысли. Но чем глубже мы погружались в любовь, тем сложнее он понимал, о чем я думаю. Ему казалось, что моя любовь образует что-то наподобие защитного поля, через которое он не мог, да и не хотел проникать.

– Не смогу так жить, – тихо сказала я и снова легла рядом, обнимая его. – В крайнем случае, я стану вампиром и твоей подружкой навечно.

Я почувствовала, как Грег вздрогнул, и обняла его крепче, уткнувшись носом в его шею.

– Нет, только не это! – взволнованно произнес он. – Ты сама не понимаешь, что говоришь. Быть вампиром не так замечательно, как кажется. Да, мы производим неизгладимое впечатление своей неподражаемой красотой, которая из года в год, из века в век становится все более утонченной и безупречной. Но это изощренный замысел... тьмы. Ведь наша красота – приманка для людей. Мало кто может устоять перед ней, поэтому жертвы так легко идут к нам в руки. Но ты представь лишь на миг, каково это находиться в таком виде вечно, зная, что это не закончится, постоянно бороться со своей черной сутью... или не бороться и множить себе подобных, или... убивать... без конца убивать... Никакие ваши земные ужасы не сравнятся с этим. И ты хочешь, чтобы я по своей воле сделал тебя такой? Пусть даже ради того, чтобы мы не расставались вечно?

Грег отстранил меня и приподнялся на локте. Его глаза горели, прекрасное лицо искажилось.

– Тогда остается одно, – мягко произнесла я. – Попытаться выполнить условия поверья.

– Или оставить тебя навсегда, – еле слышно добавил он.

– Нет! – вскрикнула я и обняла его.

– Лада, ты дома? – раздался в этот момент голос мамы.

И мои руки уже обнимали пустоту. Я быстро вытерла глаза.

Мама заглянула в комнату. Ее лицо выглядело встревоженным.

– Я думала, ты сегодня допоздна в институте, – сказала она, входя и садясь на край кровати. – Ты же говорила, у вас три пары, а потом еще вроде монтаж и семинар по... уж и не помню, по какому предмету.

– По итальянскому кино, – сказала я, пытаюсь принять спокойное выражение лица. – Просто я почувствовала себя неважно и ушла раньше. Голова что-то разболелась, а анальгин не помог.

– Анальгин?! – возмутилась она. – Зачем же сразу анальгетики применять? Нужно давление измерить. Что-то ты бледненькая, да и глаза красные. Ты наверняка опять за компьютером сидела.

– Нет, видишь же, лежу, – ответила я, наблюдая, как мама встала и быстро вышла из комнаты.

Я знала, что она сейчас вернется с тонометром. Так и произошло. Но давление у меня оказалось выше, чем обычно, и мама удивилась. Как правило, оно у меня было низким. Но я-то знала, сейчас оно поднялось из-за волнения от встречи с Грегом.

– Что же это? – задумчиво проговорила мама, трогая мой лоб. – Давление скачет? А тебе ведь всего восемнадцать! Уже вегето-сосудистая дистония? Быть того не может. Я постоянно контролирую.

– Мама, ты так не волнуйся, – сказала я и встала, – а то у самой голова заболит. Тем более у меня уже все прошло, и я чувствую себя намного лучше. Сейчас чаю выпью и вообще буду в норме. Тебе когда на дежурство?

– Да уж скоро, – озабоченно ответила она. – Я в универсам ходила, колбаски свежей, сыра купила. И вафельный торт, шоколадный, твой любимый.

– Вот и чудненько! – как можно более радостным тоном произнесла я. – Как раз к чаю.

– Может, мне позвонить и поменяться сменами? – задумчиво проговорила она.

– Это еще зачем? – удивилась я. – Мам, я абсолютно здорова! Сейчас чай выпью и примусь за учебу. К тому же домашние задания у нас весьма интересные. Это вам не в школе. Мы сейчас проходим итальянских мастеров. Так что в плане Франко Дзеффирелли. Но его фильм «Ромео и Джульетта» я смотрела несколько раз и отлично его помню, а вот «Бесконечную любовь» ни разу не видела. Ира принесла мне сегодня диск. Так что хочу посмотреть вечером.

«Вот бы вместе с Грегом!», – мелькнула мысль.

И я украдкой вздохнула.

Когда мама ушла на работу, я поставила диск с фильмом «Бесконечная любовь», уселась на диван в гостиной и начала смотреть. Верхний свет включать не стала, зажгла лишь маленькое бра в виде золотистого шара, висящее над диваном. Я обняла подушечку и не сводила глаз с экрана. История совсем юных влюбленных, против связи которых категорически возражали родители, оказалась очень трогательной и романтической. Но я думала о Грее и без конца теребила цепочку с кулоном, который он мне подарил в новогоднюю ночь. Округлый прозрачный флакончик, выточенный из алмаза, был заполнен кровью Грея и выглядел как рубиновый. Кровь не меняла свой цвет, не густела, а оставалась все такой же свежей, словно Грег только что накапал ее в алмазный сосуд. Правда, я его с тех пор ни разу не открывала. Я знала, что кровь вампира ядовита, Грег сразу предупредил об этом. Но в малых дозах она является чем-то типа антисептика. Он хотел оберечь меня, когда не находился рядом. Но для меня это необычное украшение стало чем-то вроде живой частицы моего любимого, и когда мне становилось особенно тоскливо, я начинала гладить его всегда холодную поверхность и даже целовать.

– Милый мой, – шептала я, поглаживая кулон, – как мне хочется быть с тобой! Ну почему мы так редко вместе?

Я отлично знала ответ на этот вопрос, но все-таки постоянно задавала его себе и мечтала, что наступит такое время, когда мы не будем расставаться ни на миг.

На экране в этот момент главные герои встретились после длительной вынужденной разлуки. Это происходило в номере дешевого отеля. Главная героиня твердо решила, что их любовь обречена, и поэтому им лучше расстаться навсегда. Я прижала кулон к щеке и с трудом сдерживала слезы, наблюдая, как она озвучивает свое решение. Юноша выглядел таким страдающим, раздавленным, растерянным, что я не выдержала и тихо расплакалась. И вдруг девушка на экране тоже не выдержала. Они бросились в объятия друг друга и начали жадно, страстно целоваться.

– Не плачь, – раздался рядом тихий голос.

И я вздрогнула и вытерла влажные глаза, уже начиная улыбаться. Грег сидел возле меня.

– Я так мучаюсь, когда ты плачешь, – сказал он. – Я не могу этого выносить! Даже если это происходит из-за просмотра фильма.

– Любимый! – с восторгом прошептала я и придвинулась к нему.

Грег обнял меня и начал баюкать, приговаривая, что все будет хорошо.

– Ты ведь хочешь, чтобы мы проводили как можно больше времени вместе, – тихо произнес он.

– Больше всего на свете! – подтвердила я. – Счастье – это когда ты рядом.

– Твоя мама вернется лишь утром? – уточнил он, и у меня сильно забило сердце от волнения и предвкушения.

– Не раньше десяти утра, – ответила я и посмотрела в его засиявшие глаза. – Неужели ты хочешь...

– Останусь с тобой на всю ночь, – ласково прошептал он.

– Люблю тебя, – одновременно сказали мы, не сводя глаз друг с друга.

В эту нашу первую ночь мы легли в постель, не раздеваясь. Я боялась, что во сне мы можем не выдержать, если будем обнаженными. Я даже заменила домашнее, довольно короткое платье на трикотажный комплект из футболки и брючек. Грег остался в джинсах и водолазке. Мы выключили свет, забрались под тонкое стеганое покрывало и прижались друг к другу.

– Сладких снов, – прошептал он мне на ухо.

Я хотела ответить тем же, но вспомнила, что вампиры никогда не спят. Я уютно устроилась у него на плече и, как ни странно, довольно быстро уснула.

Проснувшись на рассвете, открыла глаза и сонно заулыбалась, глядя на едва различимое белое лицо Грея. Он смотрел на меня, его глаза блестели, губы улыбались.

– Любимый, – прошептала я, чувствуя, что внутри все тает от его близости.

– Поспи еще, – ласково сказал он. – Не могу на тебя налюбоваться. Ты во сне похожа на ангела.

Грег коснулся моего лба поцелуем и прижал меня к себе.

– Если бы так было всегда, – еле слышно проговорила я и снова уснула.

Я очнулась от резкого звонка будильника и сразу почувствовала холод и пустоту постели. Я была одна. Зажав кулон, повернулась на бок и обняла подушку. Мне показалось, что ткань все еще хранит тонкий аромат парфюма Грега, и я уткнулась в нее носом, глубоко вдыхая запах. На душе было светло и спокойно, ночь, проведенная в объятиях любимого, принесла умиротворение. Душа словно купалась в огромном море нежности, заполняющем ее до отказа.

– Любимый, – пробормотала я и поцеловала кулон.

Когда все-таки заставила себя встать, а мне нужно было в институт к первой паре, то, зайдя на кухню, тихо рассмеялась. Раньше Грег мне дарил цветы, а сейчас я увидела коробку с моими любимыми пирожными, целую гору винограда, яблок и груш и корзинку свежей клубники.

– Бог мой, как я все это объясню маме? – пробормотала я и отправила крупную ягоду в рот.

Пахла клубника восхитительно и выглядела так, будто только что снята с грядки.

На первую пару, это был компьютерный дизайн, я все-таки немного опоздала и когда заглянула в аудиторию, увидела, что занятие уже началось. Я извинилась и быстро юркнула на свое место. Внимательно слушая преподавателя, попыталась вникнуть в то, что он говорил. Ира толкнула меня локтем и зашептала:

– Чего опоздала-то?

– Проспала, – тихо ответила я. – Мама в ночную была, никто не разбудил вовремя.

– А будильник на что? – еле слышно хихикнула она. – Или ты с мальчиком своим была?

Ее неумное любопытство уже выводило из себя, я недовольно глянула и ответила довольно грубо:

– Не твое собачье дело!

Ира моргнула, ее лицо приняло растерянное и обиженное выражение, и я тут же устыдилась.

– Ну, прости. Нет, не с мальчиком, – уже мягче ответила я. – Просто вчера за компом засиделась.

– Лада! – громко произнес преподаватель. – Мало того, что вы опоздали, так еще и болтаете!

– Извините! – быстро сказала я и села ровно, глядя в монитор ноутбука.

Преподаватель кивнул и начал говорить о важности освоения графического редактора. Мы с Ирой молча слушали, но иногда переглядывались и улыбались. Мое настроение становилось все лучше. И хотя Грег исчез так рано, что я даже с ним не попрощалась, воспоминание о его присутствии рядом всю ночь, вызывало в душе восторг и прилив нежности.

«Мама часто дежурит по ночам, – думала я, улыбаясь, – и никто не мешает нам вот так проводить время. Это было восхитительно. Столько часов в его объятиях!»

– А ты вся сияешь, – услышала я шепот и повернула голову.

Ира смотрела с хитринкой. Ее небольшие карие глаза буквально впивались в мое лицо.

– И все-таки ты помирилась со своим мальчиком, – продолжила она. – Такой счастливый взгляд.

Мне не хотелось омрачать свое настроение, поэтому я не стала ничего ей говорить. Пусть думает, что хочет.

Две пары пролетели незаметно. Нас ждал довольно большой перерыв, около двух часов, и я задумалась, куда пойти. Воспоминание о горе фруктов и коробке с пирожными заставили вновь улыбаться. Но я знала, что мама спит после ночного дежурства, и не хотела ей мешать.

– Ты сейчас куда? – поинтересовалась Ира. – Ты же тут совсем рядом живешь. Наверное, домой?

– Скорее всего, нет, – задумчиво ответила я. – Мама отдыхает, у нее была ночная смена.

– А-а, – протянула она. – Ясненько!

– Что, девочки, пошли в кафешку? – предложил Дима.

Он был у нас «главным по красоте», и почти все девушки заглядывались на него. Казалось странным, что Дима, внук одного очень известного «народного артиста России», не выбрал актерскую стезю. Поначалу он скрывал принадлежность к актерской династии, тем более носил другую фамилию. Но шила в мешке не утаишь, и скоро все знали, кто его родной дед. Этот факт вызвал настоящий ажиотаж у наших девушек, но Дима держался несколько обособленно и холодновато. Такое поведение лишь подогревало пыл «поклонниц». Ира, насколько я знала, тоже пала жертвой его обаяния и красоты.

Дима остановился и с ожиданием посмотрел на нас. Я увидела, как полные щеки Иры заливаются краской, как она умоляюще смотрит на меня, и решила согласиться ради подруги.

– Можно и в кафе, – ответила я и улыбнулась.

Дима тоже улыбнулся, подхватил Иру под руку и двинулся к выходу из аудитории. Я пошла следом, невольно отметив, какой фурор произвело на однокурсников внимание «звезды» к нашим скромным персонам. Причем на нас неприязненно смотрели не только девушки, но и парни. Мне, по большому счету, было все равно, а вот Ира просто млела от счастья. Я видела, как она оглянулась и окинула замерших ребят торжествующим взглядом, потом подмигнула мне и расплылась в улыбке.

«Кафешкой» в понимании Димы оказался ресторан «Тиффани». Он находился не так и далеко от института на Нижегородской улице, но Дима усадил нас в свою «Тойоту». Ира уже потеряла дар речи от восторга. Она заняла на переднее сидение и не сводила глаз с Димы. Про мое существование она словно бы забыла. Я сидела сзади, думала о Грее и периодически поглядывала на профиль Иры, которая смотрела исключительно на Диму. Мы мгновенно доехали до ресторана. Дима помог нам выйти из машины.

Когда мы оказались внутри, Ира замерла, изучая зал. Множество светильников ручной работы, разноцветные витражные окна, стойка бара с полупрозрачной вставкой из оникса, колонны, мраморно-гранитный пол, пейзажи на стенах, гобеленовые скатерти, мебель из массива бука – все выглядело дорого и изысканно. Когда мы уселись за столик и начали изучать меню, Ира наконец-то вышла из ступора и придушенным голосом заметила, что она никогда не бывала в подобных заведениях.

– А может, мы сейчас всегда будем тут обедать в перерыве между лекциями, – попробовала я пошутить.

Но Ира не уловила юмора и глянула на меня испуганно.

– Ты цены видела? – прошептала она. – Накладно не то что обедать, но и просто чашку кофе выпить.

– Девочки, я вас пригласил, поэтому не волнуйтесь, – немного снисходительно произнес Дима. – За все плачу я.

– Спасибо, – прошептала Ира и начала расслабляться.

– А я предлагаю взять готовый бизнес-ланч для всех, – сказала я. – К тому же это вполне доступно по цене.

– Ну вот, – недовольно заметила Ира, – весь кайф обломала! Я-то уже нацелилась на блюда японской кухни с весьма заковыристыми названиями.

– Милая Ира, не стесняйся, возьми себе, что хочешь, – улыбнулся Дима.

И она залилась краской, но кивнула и уткнулась в меню.

Когда официант принес наш заказ, а я все-таки настояла на бизнес-ланче для себя, мы вначале ели молча. Но во время десерта расслабились и начали болтать обо всем. Я периодически

ски поглядывала на Диму. Мне такой тип внешности никогда не нравился. У Димы были правильные, но мелкие черты лица. К тому же большие темно-карие глаза с густыми загибающимися ресницами – девчонки как-то в аудитории на спор положили на эти ресницы по спичке, и они не упали – чрезмерно пухлые губы и длинные выющиеся каштановые волосы выглядели слишком женственно. Но Ира так не считала. Она смотрела на Диму, как кошка на миску сметаны. Мне даже показалось, что ее глаза замаслились. Дима общался с нами ровно, никого особо не выделяя, и я недоумевала, зачем он нас вообще пригласил на этот помпезный обед и на кого хотел произвести впечатление.

Дима довез нас до института, помог выбраться из машины и отправился с нами в аудиторию. Когда мы вошли, взгляды девушек были довольно красноречивы и явно враждебны. Но меня это, по правде говоря, мало волновало. А вот Ира смотрела на всех с гордым видом. Она даже попыталась пересесть от меня к Диме, но он сделал вид, что не понимает ее довольно прозрачных намеков, и устроился на последнем ряду, как всегда в одиночестве. Он не особо стремился общаться с сокурсниками, и в этом мы были похожи. Для Иры лекция прошла мимо сознания. Она без конца вертелась, оглядывалась, шептала мне, что еще с осени без ума от Димы и, в конце концов, получила строжайшее предупреждение от преподавателя. Но и это не привело ее в чувство. На ближайшей перемене она все еще пребывала в состоянии неконтролируемого возбуждения, замучила меня разговорами о достоинствах Димы, упорно строила ему глазки и раз сто сказала мне, что приняла твердое решение и с этой минуты находится на строжайшей диете и в кратчайшие сроки сбросит лишний вес. Что не помешало ей съесть плитку шоколада.

«И это тоже, наверное, любовь», – думала я, наблюдая за ее раздумывавшимся оживленным лицом.

Я глянула на довольно равнодушное лицо Димы, он в этот момент разговаривал с одной из наших одноклассниц и не обращал никакого внимания на Иру, и в душе пожалела ее. Я отлично понимала, у нее нет никаких шансов. Ира была симпатичной, но простоватой, с милым, но маловыразительным лицом. Одевалась она довольно консервативно, но ее полнота ничего другого и не позволяла. И выглядела она значительно старше своих 19 лет. Я знала, что ее родители разбогатели не так давно, открыв хостел. Ира мне об этом не раз принималась рассказывать с какой-то непонятной для меня гордостью и обязательно упоминала, что ее семья «в престижном гостиничном бизнесе». Они оплатили ее обучение, хотя считали, что это просто каприз, и работу клипмейкера всерьез не воспринимали. У меня тоже вызывало недоумение, зачем Ира выбрала именно эту профессию. Да, она занималась старательно, записывала за преподавателями все лекции, но звезд с неба не хватало. На мой взгляд, творческое начало в ней напрочь отсутствовало.

А вот Дима оказался на своем месте и в своей среде. В третьем модуле у нас появился предмет «Режиссура». Ее преподавал один довольно известный театральный режиссер, и Дима был с ним на «ты». Все знали, что «звездный препод» – лучший друг их семьи, а Диму в раннем детстве чуть ли не на коленях качал. Учился парень отлично, получая удовольствие от процесса и абсолютно не мучаясь над творческими заданиями, как это часто бывало с Ирой.

Я вновь посмотрела на Диму. Он сидел на краешке стола в небрежной позе, картинно откинув на плечи длинные выющиеся пряди, и по-прежнему о чем-то оживленно разговаривал с одной из девушек. Она активно с ним кокетничала и поглядывала в нашу сторону. Ира злилась и периодически шипела мне на ухо весьма нелестные замечания о Диминой собеседнице. Он в этот момент поймал мой взгляд и вдруг широко улыбнулся. Я растерялась, а Ира глянула на меня с недоумением. Следующую пару она только и делала, что вновь восхищалась вниманием Димы.

– Мы первые, кого он пригласил составить ему компанию, – шептала она. – А может, он всегда там обедает?

– И тебе никто не мешает, – с улыбкой ответила я. – От института рукой подать, а деньги на подобное заведение у родителей возьмешь.

Я хотела подшутить над ней, но Ира восприняла мои слова всерьез. Она округлила глаза, привалилась плечом ко мне и возбужденно сказала:

– А ведь точно! Мне никто не мешает обедать именно в «Тиффани». Место-то не куплено. А предки меня и так регулярно снабжают кругленькой суммой. Главное, создать у Димочки привычку видеть меня постоянно там, чтобы он сам хотел обедать в моей компании.

– Ира! – тихо рассмеялась я. – Да ведь не факт, что он постоянно там питается.

Это, видимо, не приходило ей в голову. И она замолчала, нахмутив брови. Остаток лекции прошел более-менее спокойно.

После окончания занятий я решила сразу отправиться домой. Было уже почти пять вечера. Мама и сегодня дежурила до утра, и я предвкушала, как Грег вновь появится у меня и, возможно, снова останется на всю ночь. Мы ни о чем таком вчера не договаривались, но я уже привыкла, что он возникает из пустоты тогда, когда считает нужным, и так же внезапно исчезает. Но ведь мой любимый это «иная форма жизни», как он сам мне не раз говорил, и я ничему не удивлялась. В конце концов, ко всему привыкаешь. Грег, как и его близкие, создавал видимость обычной жизни. Он ездил на машинах, хотя я уже знала, что ему не составляет труда перемещаться в пространстве методом, похожим на телепортацию, он пользовался Интернетом и мобильным телефоном, но мог читать мысли людей, он имел квартиру, хотя, в принципе, подобное жилище ему не требовалось. Но Грег вынужден был пользоваться видимыми благами цивилизации, чтобы не вызывать подозрения у окружающих. И я знала, что ни он, ни его близкие, не могут долго жить на одном месте, ведь вампиры не старятся и находятся всегда в том возрасте, в котором произошло превращение. И через несколько лет они покидали насиженное место и перебирались куда-нибудь, где их никто не знал. Грегу вечно было восемнадцать, Ренате – двадцать. Я знала, что у них есть еще двое родичей. Их звали Порфирий и Атанас. Но с ними меня пока не знакомили, я представления не имела, как они выглядят и сколько им лет. Грег рассказал лишь, что они стали вампирами из-за родового проклятия, которое наложил на все поколения один из предков. И все самоубийцы этого рода становились вампирами.

Я не застала маму, так как пришла позже, чем рассчитывала. Решила, что неплохо бы придать квартире романтический вид, и заглянула по пути в торговый центр. Я накупила свечей в виде розовых сердечек, потом зашла в отдел нижнего белья и долго стояла возле необычайно нежного воздушного комплекта из белой короткой сорочки на узких бретельках и такого же короткого пеньюара из кружевной бледно-розовой ткани. Я представляла, как появлюсь перед любимым в таком облачении, что он скажет, как посмотрит. У меня дома лежали подходящие белые чулочки с розовой кружевной резинкой по краю. Они идеально подошли бы к такому наряду. Но меня смущала цена. Этот комплект был мне не по карману.

Последнее время денежные вопросы вызывали у меня раздражение. Отец был вполне обеспеченным и состоявшимся человеком, и я гордилась им. Он никогда не жалел для меня денег, но настаивал на секретности, и мама не знала, что он спонсирует какие-то мои покупки. Когда мне исполнилось шестнадцать, он открыл счет в банке на мое имя и положил туда кругленькую сумму. И это сразу решило многие вопросы. Я снимала со счета втайне от мамы, когда в этом возникала необходимость. Но позже я увидела отца совсем с другой стороны. Открытие оказалось настоящим ледяным водопадом, внезапно обрушившимся на меня. Отец в молодости занимался бизнесом, у него было свое концертное агентство. И вот совершенно случайно я узнала о танцовщицах, отправляемых на работу в шоу за рубежом. Но на самом деле девушки попадали в публичные дома. Я пришла в ужас. Отец всегда вызывал восхищение, являлся для меня идеалом. И вдруг этот «бог» превратился в самого настоящего монстра, предателя, «работоторговца». Я мгновенно возненавидела его, вернула пластиковую банковскую карточку и отка-

залась не только от какой-либо помощи, но и от общения. Мама пыталась поговорить со мной, но я ничего не хотела слушать и твердо стояла на своем: у меня больше нет отца.

«Если бы не Грег, – подумала я, поглаживая розовые кружева пеньюара, – я никогда бы не узнала правду об отце... Стоп! – сказала я сама себе. – А ведь именно Грег открыл мне глаза. Но зачем ему это было нужно? Что им двигало? Ведь он не мог не понимать, какую боль мне принесет подобное открытие! Тогда зачем?»

Я впервые задала себе этот вопрос.

– Вам помочь? – раздался над моим ухом голос продавца-консультанта, и я вздрогнула от неожиданности, так как задумалась очень глубоко. – Отнести на кассу? Вы берете? – настойчиво продолжила она.

– Да, – решила я, хотя внутренне сжалась, цена казалась мне непомерной.

Продавец мило улыбнулась и взяла вешалку с комплектом. Я походила еще между кронштейнами с нижним бельем, но уже особо не выбирала, а смотрела на модели скорее машинально. Когда подошла к кассе, то вначале хотела отказаться от покупки, но увидев белую сорочку из натурального шелка и розовые кружева пеньюара и вновь очаровавшись, все-таки оплатила. Потом в задумчивости остановилась возле цветочной палатки, дома не было ни одного букета. А мне хотелось создать особую изысканную атмосферу. Но все-таки решила цветы не покупать, денег практически не осталось.

Оказавшись дома, первым делом бросилась в ванную. Вымыв голову, я высушила и подвила волосы, но косметикой решила не пользоваться. Потом примерила купленный комплект. Он сидел отлично, и я выглядела соблазнительно, но и элегантно. Белая полупрозрачная сорочка красиво облегла мое тело, а розовые кружева пеньюара подчеркивала нежный тон кожи. У меня не было подходящей обуви под этот комплект, и я осталась босиком. А потом все-таки надела белые чулочки. Я стояла перед зеркалом и смотрела на горящий алой кровью кулон на моей груди. Он дисгармонировал с моим воздушным утонченным нарядом, но снимать его не хотелось. Я привыкла к его холодящей округлой тяжести.

Украсив комнату свечами, расставленными довольно хаотично на полу, на журнальном столике, на тумбочке возле телевизора, я зажгла их и выключила свет. После небольшого раздумья поставила диск английской группы My Dying Bride², играющей в стиле death doom metal. Я любила именно это направление рок-музыки, и как выяснилось, Грег тоже. Я начала слушать композицию под названием «A Kiss To Remember»³ и машинально переводить текст с английского: «Раскрой меня, выпей мой пурпур. Поцелуй меня, поцелуй глубоко и люби меня вечно. Кровавая любовь внутри тебя. Проглоти меня...»

Я смотрела на мигающие огоньки. Комната начала наполняться сладким запахом розового масла от ароматических свечей. И я закрыла глаза и начала ждать, сама не зная чего.

Аромат вдруг усилился, по моему лицу скользнуло легкое дуновение и вдруг что-то прохладное коснулось моей разгоряченной кожи. Я, начиная улыбаться, открыла глаза, и увидела, что на меня сверху летит целый ворох мелких цветочных лепестков, похожих на вишневые. Они падали на диван, скользили по ткани сорочки, застревали в моих волосах и розовых кружевах пеньюара. Я тихо засмеялась, увидев улыбающееся лицо Грега.

– Я знала, что ты появишься, – прошептала я и потянулась к его приоткрывшимся губам.

Он осторожно снял с моего локона лепесток. Я тихо вздохнула и закрыла глаза. Поцелуй был легким, словно это продолжали падать лепестки и скользили по моим губам.

– Ты очень красивая, и будто олицетворяешь эти лепестки сакуры. Мне отчего-то захотелось осыпать тебя именно ими, – услышала я шепот.

– Как они пахнут! – улыбнулась я. – Мне кажется, я очутилась в саду с цветущей вишней.

² My Dying Bride (анг) – «Моя умирающая невеста».

³ «Поцелуй на память»

– И мне нравится этот кружевной халатик, – не меняя тона, продолжил Грег.

Я почувствовала, как его пальцы снимают пеньюар с моих плеч... и вот начали сползать тонкие бретельки сорочки... Холодные губы коснулись моей шеи, спустились ниже... Я замерла, впитывая эту легкую ласку. Сорочка соскользнула, обнажая грудь, но я не шевельнулась. Мне так хотелось более откровенных ласк. Грег вздохнул, и я открыла глаза. Он отстранился и не сводил с меня горящих глаз.

– Никогда не видел девушки прекраснее, – прошептал он.

– Люблю тебя, – тихо ответила я и придвинулась к нему.

Я провела пальцами по его холодной щеке, чуть потерлась носом. Его приоткрытые губы невыносимо притягивали, но я заметила, как верхняя губа начинает приподниматься.

– Этому не будет конца! – с горечью произнесла я и отодвинулась от него.

– Я обожаю doom metal. Это ведь My Dying Bride? – уточнил Грег, не ответив на мое замечание. – Но сегодня отчего-то эти композиции наводят на меня черную тоску. И я не хочу, чтобы моя невеста умирала...

Он замер, не сводя с меня глаз, потом обнял и нежно поцеловал. Я ответила более страстно, тут же забыв о его приподнимающейся верхней губе. Чем дольше я знала Грега, тем меньше боялась. Но ослабление чувства собственной безопасности мало волновало, я полностью доверяла любимому и знала, что он всегда сможет вовремя остановиться.

Мы начали целоваться более страстно. Моя сорочка спустилась уже до трусиков, и Грег гладил мое тело, сжимал его. Я начала стягивать его свитер. Он помог мне. Потом прижался обнаженным торсом. И холод его кожи обжег меня. Я начала гладить его плечи, спустилась пальцами ниже по спине, прижавшись к нему и припав к губам. Мы замерли, сцепив объятия. Поцелуй был настолько глубок, а наши тела так плотно прильнули друг к другу, что мне показалось на миг, будто мы превратились в одно существо. Это дико возбудило, и я совершенно потеряла голову. Перевернув Грега на спину, легла сверху, ерзая на нем. Он со свистом втянул носом воздух, его лицо запрокинулось, безупречно прекрасные черты исказила мука, а рот начал раскрываться в такой знакомой мне, устрашающей гримасе. И я с ужасом увидела растущие и заостряющиеся клыки, их кончики вдавились в нижнюю покрасневшую губу, раздалось тихое рычание. Я тут же вскочила и убежала в другой конец комнаты, на ходу поднимая соскользнувшую до бедер сорочку и накидывая ляпочки на плечи.

Я забралась с ногами в кресло и сжалась в комочек. Грег лежал на диване и упорно смотрел в потолок. Его клыки не уменьшались, и мне на миг стало страшно. Я вдруг осознала, с каким хищником нахожусь в одной комнате. Моя система безопасности вновь включилась, и я сидела, почти не дыша, не шевелясь и ничем не привлекая к себе внимания.

«Ему так плохо, – думала я, глядя на него с жалостью, – я и представить не могу, с чем ему приходится бороться! Но должен же быть какой-нибудь выход из этой ситуации. Пора что-то делать. Я уже не выдерживаю».

Грег судорожно вздохнул, его рот начал закрываться, лицо успокаиваться. И вот он медленно сел и привалился к спинке дивана. Он выглядел смертельно утомленным.

– Милый, давно хочу спросить, – как ни в чем не бывало начала я, и тут же заметила, как он вздрогнул, поднял на меня глаза, а его верхняя губа вновь дернулась.

Я в испуге замолчала. Но Грег мгновенно справился с собой. В этот момент альбом группы My Dying Bride закончился. Я встала, подняла с пола пеньюар, надела его. Потом поставила диск Leona Lewis. Ее дебютный альбом назывался «Spirit» и состоял, в основном, из медленных романтических композиций. Нежный чувственный голос певицы завораживал, и я надеялась, что Грегу понравится эта музыка и принесет умиротворение.

– Хорошо, – тихо одобрил он при первых звуках голоса певицы. – Так о чем ты хотела меня спросить?

Я замялась, не зная, как начать. Но необходимо было срочно перевести наше общение в другое русло.

– Давно хотела выяснить, зачем ты открыл правду о моем отце, – собравшись с духом, сказала я.

– Я открыл? – сделал он вид, что не понимает.

Часто наше взаимодействие выглядело так, будто он вводил меня в гипнотический транс. И я волшебным образом оказывалась в настоящей на вид реальности. Правда, оставалась невидимой и неосязаемой для участников событий этого параллельного мира. Грег объяснил мне, что при помощи экстрасенсорных способностей вызывает у меня состояние измененного сознания. И я поверила ему. Несколько раз он оказывался вблизи моего отца. И тут же у меня возникали вполне определенные видения, они навели меня на подозрения. Потом я начистоту поговорила с мамой, и она вкратце рассказала мне правду о темном прошлом отца.

– Видения о моем отце, – пояснила я. – А ведь могла так ничего и не узнать о его мерзких деяниях и любила бы его по-прежнему.

– Но ты сама много раз пыталась выяснить у родителей, почему они развелись, – уклончиво ответил Грег.

И я увидела, что он полностью успокоился и вновь походит на обычного парня.

– Они всегда утаивали от меня истинную причину, – упрямо проговорила я. – Не юли! Говори все, как есть.

Грег вскочил и быстро заходил по комнате. Я следила за ним и в душе не могла не восхищаться звериной грацией его движений. Вдруг он резко повернулся и сделал шаг ко мне. Остановившись напротив кресла, он оперся руками о поручни и навис надо мной. Я сжалась, мне не понравилось выражение его лица. Оно было жестким, и я бы даже сказала презрительно-жестоким.

– Твой отец не заслуживает доверия и любви такой дочери, как ты, – четко проговорил он. – Я не хочу, чтобы ты общалась с подобными людьми... И решил показать тебе... правду. Что в этом плохого лично для тебя? А забраться в его мозг, открыть нужные мне полочки памяти оказалось очень просто. Давно заметил, что именно с тезками проделывать это легче всего. А твоего отца, как и меня, по странному совпадению зовут Григорий. И пусть я считаюсь кровожадным убийцей, существом без жалости, но даже я ужаснулся, увидев жуткие картинки истязания, принуждения и изнасилования этих девушек. Твой отец отлично знал, что с ними происходит, но продолжал продавать «живой товар» ради наживы.

– Не хочу больше ничего слышать! – закричала я. – К тому же я больше не общаюсь с отцом, и ты это знаешь.

– Этого я и добивался, – спокойно заметил он и отошел от кресла.

Он встал посередине комнаты, скрестив руки на груди. Его лицо было мертвенно-бледным, губы – бескровными, глаза горели ярким голубым огнем. Я вновь видела того загадочного странного утонченного парня, в которого влюбилась, еще не зная, кто он. Но сейчас я уже не понимала, какой из его обликов мне нравится больше, и часто склонялась к мысли, что вид милого нежного простого парня мне кажется более привлекательным.

– Я поступил правильно, открыв тебе глаза, – мрачно продолжил он. – И не понимаю твоих претензий.

– Мы с тобой сейчас ссоримся, словно обычные... ну как самая обыкновенная парочка, – заметила я, пытаюсь разрядить обстановку, но в душе продолжая испытывать раздражение от его вмешательства.

Я все еще помнила ту боль, которую испытала, когда узнала правду, ведь я с детства обожала отца, считала его примером для подражания. И когда все открылось, появилось ощущение, будто он для меня умер.

– Эх, если бы мы на самом деле были самой обыкновенной парой! – с горечью произнес Грег.

Я видела, что он снова изменился. Его лицо выглядело более... человечным, я бы так сказала, глаза наполнились печалью, губы порозовели и приоткрылись.

– Иди ко мне! – позвала я.

Он приблизился, но сел на пол возле кресла. Я опустила ноги. Грег улыбнулся и провел пальцами по белому капрону чулка.

– Мне нравится, – тихо сказал он.

И тут же стянул чулок до щиколотки и прижался щекой к голени. Потом начал целовать, поднимаясь губами к колену. Я замерла от этой интимной ласки. Но Грег вдруг отшатнулся, встал и ушел на диван. Я смотрела на шевелящиеся огоньки свечей и с горечью думала, что наш романтический вечер определенно не удастся. Мне стало отчего-то ужасно обидно. Я натянула чулок, встала и вышла на кухню. Открыв холодильник, достала бутылку сухого белого французского вина, которое подарила маме в благодарность одна из пациенток. Грег не употреблял ничего из обычной «людской» пищи, и я ему не предлагала. А вот сама решила выпить легкого алкоголя. Думала, это поможет мне расслабиться и вернуть безмятежное настроение. Я открыла бутылку, взяла бокал и хотела вернуться в комнату. Но Грег уже вошел в кухню и с удивлением смотрел на вино.

– Решила немного выпить, – сказала я и поставила бутылку на стол.

Грег сел и поднял на меня глаза. Я устроилась напротив, пододвинула к себе блюдо с фруктами, налила в бокал вино. Он молча наблюдал, как я делаю глоток. Я решила, что ему тоже хочется выпить вместе со мной, ему грустно, ведь он не может ощутить головокружения от алкоголя, расслабления и легкого дурашливого веселья. Именно так на меня действовали небольшие порции вина. Я приподняла бокал, тихо произнесла: «За нас!» и сделала еще глоток. Грег молчал. И я начала испытывать неудобство оттого, что пью в одиночку.

– Ты, наверное, все еще помнишь, каков вкус вина, – сказала я, сама не зная зачем.

– Все еще помню вкус плохого самогона, – ответил Грег.

И мне не понравилась его усмешка. Я посмотрела на него более внимательно. Не похоже было, что он о чем-то сожалел и жаждал ощутить состояние опьянения. Но ведь он уже давно перестал быть человеком.

– Я знаю, как наступает опьянение, – сказал Грег. – Хуже всего я даже могу это увидеть, словно сейчас нахожусь у тебя в мозгу.

– И как? – из вежливости спросила я, не понимая серьезности его тона и не желая вдаваться в подробности.

К тому же алкоголь уже начал действовать, я ощутила легкость, захотелось смеяться без причины.

– Я давно обратил внимание, что ты не отказываешься ни от коктейлей, ни от шампанского, хотя, вижу, многие девушки употребляют алкогольные напитки. Это сейчас модно?

Я с недоумением глянула на него, этот, показавшийся мне менторским, тон вызвал недоумение и неприязнь. Грег казался отстраненным и отчего-то чужим. Я с испугом осознала, что он не обычный парень, не просто мой возлюбленный, а нечто глубоко чуждое человеческой природе. Мне стало неприятно настолько, что мурашки побежали по спине, и я невольно передернулась. Но алкоголь действовал все сильнее и, видимо, из-за него я воспринимала все так остро.

– Ну, не так уж и модно, – вяло возразила я. – Да и здоровый образ жизни активно пропагандируется, зожников становится все больше, правильное питание, спорт и все такое... И да, алкоголь ими не приветствуется. Но все мои друзья любят выпить в компаниях... просто расслабиться. Что в этом плохого?

– Я давно живу, ты помнишь, я родился в девятьсот пятом, прошло уже более ста лет. Так что могу отследить какие-то тенденции. И в нашей стране появилась именно мода на алкоголь. Сколько было рекламы того же пива! И хоть в последнее время ее запретили, но все равно пиво пьют повсеместно. А эти коктейли в баночках? Разве не модно пить их в компаниях? Но там сплошная химия, да и спирт низкого качества.

– Ты как-то преувеличиваешь, – нехотя сказала я, удивляясь странному выбору темы разговора. – Знаю многих ребят, выбравших трезвый образ жизни. Но каждому – свое.

– Именно так было написано на воротах одного из концлагерей, – добавил он и помрачнел.

– Да что с тобой? – раздраженно спросила я. – Завелся из-за одного бокала вина...

– Лада, если бы ты видела то, что вижу я, ты бы ужаснулась и немедленно вылила это в раковину.

– Вообще-то это очень дорогое вино, настоящее французское, между прочим! – задиристо произнесла я. – А не какое-нибудь там дешевое пиво! Или баночные коктейли. Я, кстати, пиво не очень-то и люблю.

– Хорошо... Но представь, у тебя же воображение бурное, что вижу я воочию. Твои клетки погибают прямо сейчас. И это не зависит от качества алкоголя.

– Кошмар! – испугалась я и отодвинула бутылку в сторону. – И ты это видишь?

– Да! И думаешь, мне легко смотреть на это? Ведь я люблю тебя! А это происходит всегда, при каждом глотке любого вида алкогольного напитка. Нужно это понимать. По правде говоря, меня мало интересуют другие люди, пусть делают, что хотят, хоть насмерть запиваются. Но ты! Ты должна знать такие вещи.

– Хочешь, чтобы я вообще не употребляла спиртное? – спросила я и нечаянно икнула, тут же тихо засмеявшись от неожиданности и прикрыв рот рукой.

– Именно! Никогда! – серьезно ответил он.

– Я подумаю, – пообещала я. – Но ведь столько пишут и говорят о пользе алкоголя в малых дозах, я имею в виду хорошее качественное вино.

– Лада! Это многовековой бизнес, и никто с этого пути уже не свернет, никто правду вам не скажет, слишком велики будут убытки. Ты только представь на минуту, что все люди узнают об истинном воздействии алкоголя на мозг и враз откажутся от употребления. И что тогда станет со всеми этими винодельческими компаниями и прочими сопутствующими предприятиями? Поэтому вам и внушают о пользе вина в малых дозах. Но еще раз повторяю, мне нет дела до других, меня волнует только твое здоровье.

Я смотрела на Грегга и понимала, что он действительно заботится обо мне. Грег вновь показался мне близким и понятным, его лицо утратило отстраненное выражение и выглядело милым.

– Я подумаю надо всем, что ты мне сейчас сообщил, – пообещала я. – Но знаешь, я так мечтала о сегодняшнем вечере, представляла, как мы проведем его вместе... мне хотелось романтики...

«А не прослушивать лекцию о вреде алкоголя», – чуть не добавила я, но вовремя прикусила язык.

– Я тоже хотел побыть с тобой, только поэтому оказался у тебя в доме, – ответил он. – Но я ведь не человек, Лада... хотя, я уже сам не могу понять, кто я... все так странно... Ко мне иногда как-то вдруг, проблесками, возвращаются давно забытые чисто человеческие ощущения. Но мне кажется, они ослабляют мои способности вампира.

– И пусть ослабляют! Ведь ты стремишься стать обычным парнем.

– Да! Раньше я этого хотел, испытывал мучения от вечного существования на земле, от этой непрекращающейся борьбы со своей злой сущностью. Потом полюбил тебя. И сейчас хочу этого уже ради нашей любви.

– Но ведь ты только что был в Лондоне. Что-то удалось узнать? – спросила я и пододвинула к себе бутылку с вином.

Но поймав взгляд Грегa, тут же заткнула ее пробкой и убрала в холодильник. Его широкая улыбка доставила мне удовольствие.

– Был, – кивнул он. – И даже поговорил с Атанасом. Он самый древний из нас, к тому же когда-то пытался выполнить условия этого поверья.

– И что? – оживилась я. – Что он сказал тебе?

– Он лишь посмеялся, – задумчиво ответил Грег. – Атанас... он... не такой как мы с Ренатой...

Я видела, как ему трудно говорить об этом, и решила помочь.

– Знаю, он питается не только кровью животных, но и...людей, – сказала я, – он жесток, ненавидит юных девушек больше остальных именно из-за неудачной попытки выполнить условия поверья.

– Все именно так, – подтвердил Грег. – Атанас лишь посмеялся над моими вопросами и заявил, что обратное превращение невозможно, Тьма никогда не допустит этого. И меня тревожит то...

Он вдруг замолчал. Я ждала. Но Грег смотрел словно вглубь себя и мне казалось, что он отсутствует в реальности. Напряжение стало невыносимым.

– Что тебя тревожит? – тихо спросила я.

– Его люта́я ненависть, – еле слышно ответил он. – Знаешь, Лада, пора тебе с ним познакомиться.

– Зачем это? – испугалась я.

– Увидев, как мы любим друг друга, поняв, что ты необыкновенная девушка и все у нас серьезно, Атанас, возможно, изменит свое мнение и раскроет мне то, чего я не знаю.

– Но разве ты не можешь просто прочесть его мысли? – поинтересовалась я.

– Нет! Я не читаю мысли себе подобных, к сожалению... А может, и к счастью, – сказал он. – Когда у тебя заканчивается модуль?

– Во второй половине марта.

– Вот тогда и поедешь в гости в Лондон. А документами я займусь сам! – решительно проговорил Грег.

Я смотрела на его улыбающееся лицо. С языка рвалось замечание, что я не могу себе позволить подобную поездку, мама ни за что не даст мне нужную сумму, а своих денег у меня не было. Но я испытывала стыд и не могла говорить об этом со своим парнем, пусть и вампиром. Хотя я знала, что Грег к вопросам денег относится совершенно равнодушно. Он никогда не говорил о состоянии его семьи, но я могла себе представить его размеры, ведь они жили веками, имели доступ к любым денежным средствам, к антикварным произведениям искусства, да мало ли еще к каким видам обогащения. Я в это никогда особо не вникала. Но Грег имел несколько дорогих машин, роскошную квартиру в Замоскворечье, эксклюзивные украшения, в основном, из платины с бриллиантами, и он никогда не считал денег и покупал все, что ему нравилось.

– Давай я подумаю пару дней, – уклончиво ответила я. – Нужно решить кое-какие вопросы.

Грег остро глянул на меня. Я мгновенно переключилась и начала думать о красоте его голубых глаз, не позволяя мелькнуть даже тени мысли о денежных затруднениях.

Остаток вечера мы провели мирно. Я поужинала, Грег развлекал меня разговорами, сидя напротив. Потом я вымыла посуду. Мы посмотрели фильм «Кровь и шоколад», вяло обсуждая историю любви девушки-оборотня и художника, она казалась нам далекой от реальности и полностью киношной, затем улеглись спать. Грег в этот раз разделся до нижнего белья. Я со смущением смотрела на его стройное белое тело, широкие плечи, узкие бедра и длинные

ноги. Все-таки ему было всего восемнадцать, и фигура выглядела мальчишеской, поджарой, спортивной и, несомненно, в моем вкусе. Мне нравился именно такой тип. Грег нырнул под одеяло и прижался ко мне. Страсть сразу охватила меня, я обняла его и прильнула всем телом. Я не сняла сорочку, но ее ткань была настолько тонкой, что казалось, отсутствовала. Но Грег легко поцеловал меня в щеку, потерся носом о мои губы, потом развернул меня спиной к себе, обнял сзади и уткнулся в шею.

– Спи, любимая, – только и сказал он.

И я улыбнулась и закрыла глаза, поняв, что Грег не хочет больше подвергать нас опасности. Возможно, он решил не возобновлять попыток, пока не узнает точно условия выполнения поверья.

«Но где же мне взять денег? – уже засыпая, думала я. – Ведь он прав, мне пора познакомиться с его близкими. Мало ли! Вдруг Атанас смягчится и именно мне расскажет все тайны древнего поверья».

Утром я не увидела Грега. Занятия сегодня начинались со второй пары, и я могла поспать подольше. Но проснулась оттого, что с дежурства вернулась мама. Она осторожно заглянула в мою комнату. Я вздрогнула и машинально провела рукой по простыне. Но я в постели была одна.

– А ты почему еще не встала? – удивилась мама.

– Мне ко второй паре, – ответила я и потянулась.

– А-а, – протянула она.

– Но уже встаю! – улыбнулась я.

– Я пока чайник поставлю, – сказала мама и закрыла дверь.

Я улыбнулась, поцеловала подушку с той стороны, где лежал Грег, и соскочила с кровати. И тут же заметила на письменном столе конверт. Я с недоумением открыла его. И вытащила пластиковую карточку и записку.

«Лада, я знаю, ты девушка щепетильная, – прочитала я, – но другого выхода не вижу. Ты отказалась от помощи отца и поступила, по моему мнению, совершенно правильно. Я решил, что вместо карточки, которую ты вернула отцу, дать тебе другую. Только прошу, не возражай! Это правильно. И это только твои деньги. Не пугайся. Здесь настолько малая часть моего огромного состояния, что ее можно сравнить с атомом. Ты практически член нашей семьи, я так считаю, и имеешь полное право распоряжаться определенными средствами. Они тебе необходимы. Мало ли куда потребуется ехать или что-то сделать для выполнения нашей задачи. И я не хочу, чтобы отсутствие денег тебе мешало. Кстати, по поводу поездки в Лондон. Мне кажется, ты можешь смело сказать маме, что это я тебя пригласил и купил билеты. Если ты меня действительно любишь, то все поймешь правильно и примешь мой подарок без возражений. Люблю тебя».

Я так растерялась, что поначалу испытывала противоречивые чувства. То мне хотелось немедленно позвонить Грегу и попытаться вернуть карточку, то наоборот поблагодарить его за заботу и принять деньги. Так ничего и не решив, я отправилась умываться, но сама все думала об этом. Думала и когда завтракала. Мама смотрела на меня с любопытством. Потом заметила, что я или очень не выспалась или сильно влюбилась, так как совершенно отсутствую в реальности. Я вздрогнула, чуть не опрокинула чашку с кофе и подняла на нее глаза. Мама улыбалась.

– Просто я решаю, принять ли мне приглашение моего парня, – сказала я.

– Какое? – заволновалась мама.

– После окончания модуля навестить его в Лондоне. Я же тебе говорила, Грег сейчас там с бабушкой.

Мама удивилась и нахмурилась.

– Билеты он оплатит, приглашение придет. Он мне вчера звонил и сказал, что сам позаботится о документах.

– Каким образом, если он сейчас в Лондоне? – резонно заметила мама.

– Его сестра здесь, и она всем займется, – на ходу придумала я, хотя понятия не имела, где сейчас Рената.

– Но деньги, Лада? – спросила мама. – Я могу выделить тебе определенную сумму, но не так много, – добавила она.

– Спасибо, но мне они не нужны, если только на какие-то мелочи. Ведь Грег купит мне билеты туда и обратно, а жить я буду у его родственников, – сказала я и окончательно поняла, что приму подарок.

И мне стало сразу спокойнее на душе, я расслабилась и начала улыбаться.

– Ох, дочка! Не хитри, – заметила мама. – У вас что, все так серьезно?

– Пока не знаю, – уклончиво ответила я. – Но Грег мне очень сильно нравится. К тому же, мам, это обеспеченные люди. Считай, семья олигархов. И меня пригласили в гости... в их родовой замок. Почему бы не поехать?

– Да я только «за», если появляется такая возможность побывать в Англии! Вот твой отец удивится, – немного злорадно добавила она. – Он еще от Норвегии все еще в себя прийти не может! А что он думал? Что только он такой богач и может позволить себе возить тебя по заграницам? Я вот тоже могу обеспечить своей доченьке достойный отдых.

И мне стало понятно, почему мама так быстро согласилась на мою поездку. Раньше отец устраивал мне путешествия на каникулах. Мы с ним побывали во многих странах, и, естественно, он все оплачивал. Но как только я с ним прекратила отношения, ответственность за мой отдых легла на плечи мамы. И я понимала, как она переживает из-за этого. Мама не обладала таким капиталом, как отец, и жила от зарплаты до зарплаты. Перед Новым годом она помогла одной сорокалетней роженице, и та в благодарность отправила меня на новогодние праздники в Лиллехаммер, где жила ее дочь. Я отлично провела время, и, по всей видимости, мама не удержалась и сообщила об этом отцу. И сейчас она предвкушала, как расскажет ему о моей поездке в Лондон.

– Я согласна, доченька! – с воодушевлением произнесла мама. – Нельзя упускать такую возможность... Да и такого парня! – добавила она.

Я глянула на нее и заулыбалась.

– А что? – сказала она. – Приятный молодой человек, хорошо воспитан, видно, что из приличной семьи, к тому же не беден, что в наше время немаловажно. И я уже с ним знакома.

«Эх, знала бы ты из какой он „приличной“ семьи!», – подумала я.

Грег больше не появлялся, его телефон вновь был «вне зоны», но я уже не волновалась, привыкнув к его исчезновениям. Я усердно занималась, старалась не раздражать преподавателей, чтобы благополучно сдать все зачеты и спокойно уехать.

По сценарному мастерству нам задали сочинить нестандартный сюжет рекламного ролика пива. И этот сценарий являлся зачетным. Я довольно долго думала, как выстроить действие и преподнести материал. И мне не давали покоя слова Грег о вреде алкоголя даже в малых дозах. Я все еще помнила его суровую отповедь. Конечно, Грег уже давно избавился от навязанных обществом стереотипов, к тому же обладал экстраординарным видением реальности. И я верила ему. Однако все человечество веками употребляло спиртное. Это не давало мне покоя, и я даже обрадовалась, что нам дали «алкогольную» тему для учебного ролика, ведь могла более глубоко изучить материал. Ира приставала ко мне по этому поводу, подобные творческие задания были для нее нереально сложными. Но я посоветовала ей посмотреть стандартную рекламу пива и сотворить что-нибудь подобное.

До сдачи сценария оставалось все меньше времени, и как-то вечером я вплотную занялась его написанием. Для начала изучила в Интернете материалы, касающиеся производства

пива, потом стала читать истории его появления в разных странах, затем посмотрела различные варианты рекламы. Но мысли все крутились вокруг того, что сказал Грег, и мешали мне сосредоточиться и придумать увлекательный сюжет «пивного» ролика.

– И чего я мучаюсь? – спросила я саму себя. – Нужно посмотреть, что вообще имеется по данной проблеме. Грег видит, как гибнут клетки. А вдруг он ошибается?

После небольшого раздумья я набрала в поисковике слова «алкоголь и мозг» и углубилась в изучение появившихся ссылок. Их оказалось немало. Я бегло просматривала их, но ничего конкретно пугающего и подтверждающего слова Грега не видела. Пока не наткнулась на книгу Углова Ф. Г. «Правда и ложь о разрешенных наркотиках». Я в ужасе читала, что тяжелее всего страдает мозг и его фатальные изменения вызваны склеиванием эритроцитов при алкогольном опьянении, это в свою очередь приводит к кислородному голоданию, и если оно продолжается более пяти минут, клетка гибнет. Автор писал о том, что при более тонком исследовании выяснили: изменения в нервных клетках такие же резкие, как и при отравлении очень сильными ядами. Автор недоумевал, отчего если бы кто-нибудь начал открыто пропагандировать «умеренное» употребление марихуаны или предложил бы учить детей с ранних лет «культурно» принимать хлороформ, то его бы уpekли в тюрьму, но тех, кто продвигает алкогольную продукцию, никто не преследует, хотя алкоголь – тот же наркотик.

Я проглотила текст и все никак не могла прийти в себя. Грег оказался прав. И я поняла, насколько сильно он хотел, чтобы я оставалась здоровой, какую заботу проявлял обо мне. Я схватила телефон и позвонила маме. Она была на дежурстве и ответила довольно скованно.

– Мам, ты занята? – торопливо спросила я. – У меня буквально пара вопросов. Мне для занятий нужно.

– Могу говорить, но недолго. Что там у тебя?

– По поводу алкоголя. Я прочитала статью некоего Углова и пришла в ужас.

– Ты имеешь в виду известного на весь мир хирурга Углова Федора Григорьевича? – уточнила она.

– Наверное. Тут у меня отрывок его книги «Правда и ложь о разрешенных наркотиках».

– Тогда это он! Это великая личность. Он скончался на сто четвертом году жизни и оперировал до последнего, – сказала мама. – И книгу эту я знаю. Она в свое время наделала немало шума.

– А то, что там написано по поводу гибели клеток?

– Гибнут! В результате приема спирта мозг как бы задыхается, и именно это удушение вызывает состояние опьянения.

– Ты меня просто удивляешь! – возмутилась я. – Ведь ты медик, и, оказывается, знаешь, как все обстоит в реальности. А ведь сама иногда позволяешь себе алкоголь, да и мне резко не запрещаешь. И никогда не запрещала. Отец вообще меня пивом поил в Праге...

– Все это намного сложнее, чем ты думаешь, – немного нервно ответила она. – Нам всем необходим релакс, жизнь сама по себе штука сложная, а алкоголь мгновенно расслабляет нервную систему. И мы привыкаем к этому. Других-то способов не ищем, да и не хотим искать. Мы все – продукт системы, с детства верим устойчивым стереотипам.

– Никогда больше не буду пить! – сурово произнесла я. – Никогда и ничего, даже пива. И тебе не позволю.

– Ого! – явно удивилась мама. – Мне это уже начинает нравиться. Хорошо, иду! – крикнула она кому-то. – Все, дочурка, мне пора в операционную. Дома поговорим.

– Удачного дежурства! – пожелала я и положила трубку.

И тут же села писать сценарий будущего ролика. Я сделала его в виде разговора двух мультяшных персонажей – наглой вороны и хитрого кота. Кот уговаривал ворону спуститься с дерева и попробовать пива, соблазняя ее отличным вкусом и последующим кайфом. На самом деле она для него была лишь добычей. Но когда ворона все-таки не выдержала и слетела, они

напились вместе, начали вести себя, как законченные идиоты и в результате уснули в обнимку. И их обоих сожрала бродячая собака.

Когда преподаватель разбирал наши работы, то моему сценарию уделил особое внимание. Вначале он сказал, что не знает, ставить ли мне зачет, я не выполнила основного условия проекта и не разрекламировала товар так, что покупатель сразу бы захотел бежать за ним в магазин.

– У Лады получился, безусловно, интересный сюжет, но он скорее подходит для антиалкогольной компании, – сказал он. – Но у нас темой вовсе не социальная реклама... А ты что, против употребления пива?

– Категорически против, – ответила я, и в аудитории зашумели.

– А что? – вдруг вмешался Дима. – Я вот тоже против пива, тем более такого дешевого и некачественного, которое продают на всех углах.

– И я против! – поддержала нас Ира и оглянулась на Диму.

– Однако ваши ролики отлично рекламируют это самое пиво, – заметил преподаватель.

В результате он все-таки поставил мне зачет, правда, заметил, что впредь мне лучше четко следовать поставленной задаче, и я вздохнула с облегчением.

Это была пятница, к тому же последняя пара последнего дня модуля. Мы могли отдыхать всю следующую неделю. Когда мои однокурсники вышли из института, то сразу начали обсуждать, что неплохо бы отметить это дело, и соображать в какую кафешку лучше направиться. Но я хотела пораньше оказаться дома. Утром улетала, и решила не принимать участие в общей тусовке. Было около трех, а я еще хотела забежать в торговый центр возле метро и кое-что купить из одежды. Я с самого утра ужасно нервничала из-за скорой встречи с родными Грега. И решила сменить мой обычный спортивный стиль на элегантный, и предстать перед ними в образе леди, одетой модно и изысканно.

Я быстро направилась к выходу на улицу, но Дима догнал меня. Ира, которая уже прощалась со мной, сделала вид, что что-то забыла и ринулась к нам.

– Ладка же у нас оказалась трезвенницей – язвенницей, – раздались не вполне дружелюбные выкрики нам вслед. – Так что, Димон, зря стараешься. Она с нами не пойдет!

– А может, у них любовь?! – услышала я звонкий девичий голосок, но не обернулась.

Мне хотелось скорее уйти и остаться одной.

– Лада, может, правда, посидим где-нибудь? – предложил Дима и пошел рядом со мной, не обращая внимания на громкие замечания ребят.

– И я с вами, – встряла Ира, хотя ее никто не приглашал.

Я заметила, как Дима недовольно на нее глянул, но потом мило улыбнулся и кивнул. Ира тут же расцвела и подхватила его под локоть. Мы вышли на улицу, и я свернула в нужную мне сторону, решив отправиться на Таганку. Я вспомнила, что неподалеку от метро имелся бутик итальянской одежды. Но Дима не отставал, и я не понимала, чего ему нужно. Неужели я ему настолько нравилась? Но в данный момент мне было не до выяснения отношений, и тем более не до признаний. Я лихорадочно вспоминала, где еще поблизости есть магазины с элегантной одеждой.

– Куда ты так бежишь? – недовольно поинтересовалась Ира. – И куда мы направимся? – повернулась она к Диме.

Меня все это начало раздражать, я притормозила, глянула на них и сказала:

– Вообще-то я не собираюсь ничего отмечать! К тому же у меня абсолютно нет на вас времени.

Я увидела, как Дима залился краской, а Ира заулыбалась довольно ехидно.

– Но ведь мы не увидимся больше недели, – растерянно произнес он. – Я думал, посидим где-нибудь, поболтаем о том, о сем. А вечером, может, куда-нибудь в клуб закатимся. Неохота расставаться..., – он запнулся, глянул на Иру и закончил: – с вами, девчонки!

– Вы извините, – более спокойным тоном проговорила я, – но у меня утренний рейс, а я даже вещи не успела собрать. Так что, ребята, идите куда-нибудь без меня.

– Вот как, – разочарованно заметил Дима. – Ты улетаешь? И тебя не будет все каникулы?

– И далеко, если не секрет? – встряла Ира. – Она всегда такая скрытная! – добавила она, прижавшись к плечу Димы и заглядывая ему в глаза. – Никогда ничего мне не рассказывает. А ведь подругами считаемся!

– Ну не обижайся, Ирусь! – ответила я и улыбнулась. – Никакой особой тайны нет. Я лечу на неделю в Лондон... к знакомым.

– Вау! – сказала она и округлила глаза.

Лицо Димы стало отчего-то грустным.

– А ты сейчас-то куда? – поинтересовалась Ира.

– На Таганку. Хочу кое-что купить для поездки, – ответила я.

В этот момент из моей сумочки донесся звонок. Я достала смартфон. Номер был незнаком, и я ответила немного настороженно.

– Лада, привет! – услышала я девичий голосок. – Это Рената.

– Ой, привет, – удивленно сказала я.

Мы давно не общались и, по правде говоря, я думала, что она тоже уехала в Лондон.

– Секунду, – сказала я ей.

Прикрыв смартфон рукой, посмотрела на притихших ребят.

– Ладно, не будем тебе мешать, – сообразил Дима. – Веселых каникул!

Он нагнулся и нежно поцеловал меня в щеку. Отклониться я не успела.

– Давай, пока! – сказала Ира. – Как вернешься из своего Лондона, звякни.

– И вам хорошенько отдохнуть, – ответила я и улыбнулась.

Ира подхватила Диму под локоть, и они пошли обратно к институту.

– С кем ты? – услышала я, когда вновь приложила смартфон к уху.

– Так, однокурсники. Но они уже ушли. А ты где?

– В Москве... пока, – ответила Рената. – Я знаю, ты завтра улетаешь к Грегу. Может, заглянешь ко мне ненадолго? Я живу все там же.

– Хорошо, скоро буду, – пообещала я. – Но вначале мне нужно зайти в один магазин, кое-что купить из одежды, – зачем-то сообщила я.

– Хочешь произвести впечатление на моих родственничков? – угадала Рената, но ее тон показался мне скептическим. – Лада, ты все забываешь, мы не люди, а вернее, мы – нелюди!

– Не забываю, – тихо ответила я. – В общем, ты подождешь? Никуда не торопишься?

– А куда мне торопиться? – усмехнулась Рената. – Я вечно свободна. Приходи, когда сможешь. Я дома. Консьержа предупреджу.

Я убрала телефон в сумку и почувствовала сильное волнение. Не могла понять, зачем Рената позвала меня. Мы с ней практически не общались.

Но времени оставалось совсем мало, и я устремила к магазину итальянской одежды. Он оказался небольшим, продавец-консультант с порога бросилась ко мне, тут же навесив на лицо любезную улыбку. Я обратила внимание на пару покупательниц с весьма кислыми выражениями лиц.

– Вам помочь? – начала продавец заученный текст. – Что вы хотите подобрать? Особый случай?

– Что-то деловое, но элегантное, – задумчиво проговорила я. – Понимаете, у меня встреча с..., – я запнулась, потом тряхнула волосами и продолжила: – с родителями моего парня. И они меня увидят впервые.

Лицо женщины приняло более оживленное выражение. Она окинула меня внимательным взглядом.

– У вас стройная пропорциональная фигура, – уверенно произнесла она, – и рост стандартный, так что проблем не будет. И вы пришли в нужное место! На какую сумму рассчитываете? – спросила она и одарила меня улыбкой.

– На любую, – равнодушно ответила я.

Консультант тут же воодушевилась и ринулась к кронштейнам. Она довольно быстро подобрала мне несколько комплектов, и я отправилась в примерочную. Мне понравился брючный костюм из тонкой серой шерсти. Он сидел так, словно его шили специально на меня. Жакет чуть ниже талии, с узкими лацканами застегивался на одну пуговицу. Красный топ с короткими рукавами отлично гармонировал с ним. И я выглядела именно элегантно, и на свой возраст. Я решила взять этот комплект, хотя цена впечатляла. Но я уже привыкла снимать деньги с карточки, которую подарил мне Грег, и воспринимала это, как само собой разумеющееся. К тому же я поняла, что деньги не имеют ни для него, ни для его близких никакого значения. Они были у них всегда и в нужном количестве. И я постепенно расслабилась и не стала переживать на этот счет.

Когда я примерила коктейльное платье сочного бирюзового цвета, то поняла, что это не мой размер. Решив попросить продавца принести другое платье, я вышла из примерочной и столкнулась с Лизой.

– Упс! – радостно произнесла она. – Вот так встреча!

Я смотрела в ее карие глаза, на румяные щеки и начала улыбаться. Лиза была моей лучшей подругой. Мы не расставались с детского сада, жили в соседних домах, ходили в одну школу и всегда сидели вместе. Но когда Лиза после девятого класса поступила в колледж, решив стать стилистом причесок, а я осталась в школе, то поневоле мы уже не могли видеться так часто. А после того, как я стала встречаться с Грегом, мы практически не общались. Но последнее время я вообще неохотно общалась с друзьями. Моя любовь к вампиру не оставляла иного выбора, и я инстинктивно отдалилась даже от Лизы. Ведь я не могла сказать ей всю правду, а лгать не хотелось. К тому же моя подруга была с ним знакома. В самом начале наших отношений Грег манипулировал нами обеими. Но он тогда не любил меня. Когда же все встало на места и мы стали встречаться, я тщательно скрывала это от Лизы.

– Отучилась? Чего в выходные делать будешь? – оживленно спросила она. – Классное платье! Хочешь купить? Но тут все уж очень дорого! – не меняя тона, добавила она.

– Хочу, но размер, мне кажется, нужно меньше, – пояснила я, продолжая улыбаться.

– Сейчас продавщицу позову! – ответила она. – Ты это поканими.

Я нырнула в примерочную. Лиза появилась через пять минут с платьем нужного мне размера. Когда я его надела, она заглянула в кабинку и восхитилась.

– Ну, супер! Супер! Тебе бесподобно и фасон и цвет! – тараторила она. – Ты выглядишь, как девушка из высшего общества. Идешь куда-то? Институтская вечеринка?

Несмотря на добродушный веселый вид, я понимала, как Лиза напряжена. Видимо, она все-таки обижалась на меня. И я просто не знала, как ей сказать, что завтра улетаю в Лондон.

– Нужно хорошо выглядеть на одном мероприятии, – уклончиво ответила я и сняла платье.

– Не волнуйся, будешь выглядеть великолепно! – заверила она. – А я сюда зашла, чтобы прицениться к распродажным блузкам из прошлогодней коллекции. В углу висят.

– И что? – поинтересовалась я.

– Все равно непомерно дорого! – со вздохом ответила Лиза. – Ты сейчас куда?

– Вообще-то домой, – сказала я.

– Тогда вместе пошли! – обрадовалась она.

Когда я оплатила покупки и мы вышли на улицу, Лиза шумно вздохнула и заметила, что весна слишком уж затянулась и охота уже снять эти надоевшие за зиму теплые вещи. Возле метро мы свернули на Воронцовскую улицу и направились к нашим домам. Лиза болтала не

умолкая, рассказывала о последних новостях в колледже и в личной жизни. Когда мы оказались во дворе и подошли к моему подъезду, она вдруг замолчала и укоризненно на меня посмотрела.

– И все-таки ты очень изменилась, – заметила она, останавливаясь и поворачиваясь ко мне. – Мы стали так редко видеться! И даже по телефону нечасто разговариваем. И в аське ты намного реже появляешься. Я ничегошеньки про тебя не знаю. Что происходит, подруга? Дело во мне? Ты стала хуже ко мне относиться? Или я тебя ненароком обидела?

– Ну что ты! – мягко произнесла я. – Просто с этим институтом совсем не остается времени. Я сейчас почти ни с кем во дворе не общаюсь. С занятий прихожу такая уставшая, что уже ничего не хочется. Ты же понимаешь, первый курс самый сложный!

Я видела, что Лиза хоть и молчит, но не верит ни одному моему слову. Но разве я могла озвучить ей хотя бы часть правды? Конечно, нет. Я никому на свете не могла рассказать о вампирах. Об этом можно было говорить лишь с теми, кто сам находился в системе. С той же Ренатой.

Я вспомнила, что обещала ей приехать сегодня, и заторопилась домой.

– Ты извини, Лиза, – покаянно произнесла я, – но я завтра утром улетаю в Лондон. А еще вещи даже не собрала.

Я видела, как округлились ее глаза, и она тут же закусила губу, словно от жгучей обиды.

– Я хотела тебе позвонить сегодня вечером и все рассказать, честно! – торопливо продолжила я.

– Понятно, – тихо сказала Лиза. – Ты это, когда вернешься, так хоть фотки по почте вышли. Интересно посмотреть, как там... Лондон все-таки...

– Думаю, что встретимся, я все подробно расскажу, и на компе посмотришь фотографии. Я вряд ли выложу что-то в соцсетях. Да я их уже практически забросила... Не до того.

– Ладно, все понятно, – хмуро ответила она. – Удачной поездки!

Лиза отвернулась и быстро направилась к своему дому. Мне стало неприятно на душе. Захотелось окликнуть ее, пригласить в гости, поговорить, как раньше. по душам. Но мне нужно было еще съездить к Ренате, собрать вещи. К тому же быть с Лизой откровенной я не могла, поэтому сдержала порыв, резко развернулась и отправилась в свой подъезд.

Мама должна была вернуться с дежурства поздно вечером. Я сложила купленные вещи в дорожную сумку, быстро перекусила и вышла из дома. Рената жила в Замоскворечье в том же доме, что и Грег. Их две огромные квартиры занимали целый верхний этаж современной высотки. Консьерж открыл мне дверь подъезда, я увидела, что он уже предупредительно вызвал лифт. Поднявшись на 14-й этаж, мельком глянула на закрытую дверь квартиры Грега, вздохнула и отправилась к Ренате. Она жила напротив. Я отчего-то начала сильно волноваться. Дверь распахнулась, Рената молча кивнула мне и пропустила в квартиру. С прошлого моего посещения здесь ничего не изменилось. Рената родилась в восемнадцатом веке, и все еще испытывала слабость к вещам той эпохи. И ее огромная гостиная была заполнена резной мебелью красного дерева, вычурными старинными светильникам, изящными статуэтками и прочими предметами антиквариата.

– Присаживайся, – пригласила Рената ровным тоном и изящным жестом показала на диван, стоящий между двумя окнами.

Я села довольно робко. Рената остановилась напротив меня. Я смотрела на ее тоненькую фигурку, облаченную в лиловое длинное платье с неизменным корсетом, на бледное аристократичное лицо с большими темно-кариими глазами, на черные волосы, распушенные по плечам, на приоткрытые красные губы.

«А она очень хорошенькая, и наверняка ни один мужчина не в силах устоять перед ее яркой утонченной красотой», – подумала я.

Рената начала улыбаться, но я знала, что она не умеет читать мысли людей.

– Как поживаешь? – спросила я первое, что пришло в голову.

– Как всегда, – ответила она и отступила на шаг.

Она уже научилась сдерживать себя и давно питалась кровью животных, но все равно инстинктивно я почувствовала опасность. Рената взяла стул и поставила его спинкой ко мне. Затем оттащила его подальше от дивана, на котором я находилась, и уселась, как на коня, расставив ноги и положив руки на спинку. Широкий подол ее платья приподнялся, и я заметила, что она в узких сиреневых туфельках на высоких шпильках. Она продолжала молчать, изучая меня. И я начала нервничать и машинально теревить плетеный браслет из мелкого речного жемчуга, обхватывающий мое правом запястье.

– Ты все еще любишь Грега? – наконец спросила она.

– Люблю, – ответила я и чуточку расслабилась.

– Атанас настроен крайне враждебно, – сообщила она после паузы. – И я не понимаю, зачем Грег планирует вашу встречу. А меня он никогда не слушал!

Рената начала постукивать кончиками туфелек, и я заворожено смотрела, как мертвенно бледнеет ее лицо, а верхняя губа приподнимается. В душу заполз страх, и я сжалась. Но Рената быстро справилась с собой, ее лицо разгладилось и стало напоминать личико дорогой фарфоровой куклы, губы побледнели и сомкнулись.

– Грег надеется, что увидев нас вместе и поняв, как сильно мы любим друг друга, Атанас изменит свое мнение, захочет помочь и расскажет все, что ему известно о поверье.

– Это вряд ли, – усмехнулась она и перестала постукивать туфельками. – Атанас замкнутый, он слишком долго живет на земле и его сущность давно утратила что-либо человеческое. Даже я иногда боюсь его. Поэтому не люблю проводить время с ним.

– И ты остаешься в Москве? – уточнила я.

– Да, – кивнула Рената. – В этом году весна очень затяжная и холодная. Уже вторая половина марта, а еще не сошел снег. Да и солнца практически нет.

– Это так, – тихо согласилась я, припоминая ее рассказ о «сне вампира».

Они с Грегом давно не питались человеческой кровью, поэтому их сущности трансформировались. Они уже не могли сгореть на солнце. Но если долго оставались под солнечными лучами, то впадали в своего рода анабиоз, их организмы начинали что-то типа самоохлаждения. И в этот момент они становились уязвимы для охотников. Поэтому и Рената и Грег избегали солнечных дней и жарких стран.

– Как поживает Дино? – спросила Рената довольно спокойным тоном, но я вздрогнула.

Дино познакомился со мной будто бы случайно, я думала, он обычный парень, а я ему просто понравилась. Но однажды Рената заманила его в подземелье, и там я впервые узнала правду о происходящем. Маски были сняты, я увидела двух вампиров и охотника на них. И мой мир рухнул в один миг. Лишь любовь Грега осталась неизменной. И именно эта любовь спасла Дино. Грег и Рената в тот день отпустили его, пообещав мне, что не будут его искать, и пока свое обещание сдерживали.

– Понятия не имею, – быстро ответила я. – Я не общаюсь с ним.

– И он не пытается тебя найти? – продолжила она, пристально на меня глядя.

Я встала и сделала шаг к ней. Рената не шелохнулась.

– Хочешь сказать, Грега? – спросила я и приблизилась. – Что ты ходишь вокруг да около? Говори, как есть! Ты его видела?

Рената усмехнулась.

– Если бы я его видела, то необходимость в подобном вопросе отпала бы!

– А как же слово чести? – укоризненно заметила я.

– Мы обещали сами не искать его, – усмехнулась Рената. – Но если он будет иметь глупость вновь выйти на нас, то, извини, щадить его никто не собирается. И пусть на рожон не лезет! – с угрозой добавила она и резко встала.

При этом движении стул опрокинулся, я машинально хотела подхватить его, и тут мой браслет порвался, и на пол со стуком посыпались жемчужинки. Рената замерла, ее глаза расширились, ноздри раздулись. Я остановилась в испуге, не понимая, что происходит. И вдруг она упала на колени, начала лихорадочно подбирать жемчужины и монотонно считать: «один, два, три...» Я бросилась помогать, но она сдавленно крикнула, чтобы я отошла подальше. Тогда я опустилась на диван и в недоумении наблюдала, как она ползает по полу. Когда Рената набрала полную горсть жемчужин, она в какой-то растерянности еще минут пять ползала по полу и продолжала искать. Я, естественно, не знала точное количество бусинок в моем браслете, но наблюдать, как она продолжает поиски, при этом вид у нее был страдальческий, стало невыносимо, поэтому я спросила:

– Сколько их у тебя?

Рената глянула на меня затравленно и пробормотала:

– Тридцать, ровно тридцать... А где тридцать первая? Где?

Она снова начала шарить руками по ковру. Казалось, Рената впала в какой-то странный транс и никак из него не выйдет. Выждав пару минут, я громко произнесла:

– Их и было ровно тридцать! Так что искать дальше бесполезно.

Лицо Ренаты приняло более осмысленное выражение. Она шумно вздохнула и поднялась с колен. Подойдя ко мне, высыпала жемчужины в мои подставленные ладони. Я быстро убрала их в сумку.

– Их всего тридцать, – со вздохом пробормотала она.

И я увидела, что она окончательно пришла в себя.

– Можно подумать тебя это огорчает, – заметила я. – А сколько нужно-то?

– Шестьсот шестьдесят шесть, – тихо ответила Рената. – Мне нужно шестьсот шестьдесят шесть! – громче повторила она.

– Ну откуда в маленьком браслете такое количество, сама рассуди? – тихо засмеялась я. – Но число знаковое. Может, объяснишь?

– Я устала, – сказала она.

Подойдя к шкафу, достала потрепанную книгу и небрежно бросила ее на диван.

– Почитай легенду «Счет вампира», а я отлучусь ненадолго.

И Рената покинула комнату.

«Кровушки свежей попить захотела, не иначе, – неприязненно подумала я, вспомнив ее кухню, заставленную клетками с живыми кроликами. – Но уж лучше кровь этих зверьков, чем моя».

Меня невольно передернуло, но я постаралась отогнать неприятные мысли и взяла книгу. Это было старинное издание, еще с буквой «ять». Назывался сборник «Сказания и легенды о вампирах». Рената собирала подобную литературу, имелась у нее и коллекция фильмов о вампирах. Я раскрыла книгу, но оглавление отсутствовало. Тогда начала листать страницы в поисках нужной легенды. Мой взгляд цеплялся за различные тексты сказаний. Их было довольно много, и все они казались интересными. Я бегло читала:

«...каждое полнолуние поднимает из безымянной могилы мертвец и блуждает по кладбищу в поисках своей жертвы. Если он найдет одинокого прохожего, то схватит его за горло и спросит „Какое у меня имя?“. Если прохожий не ответит, то вампир выпьет его кровь, а его тело унесет в могилу...»

Это была легенда о безымянном вампире с Олышанского кладбища. Затем я уткнулась в рассказ о князе Лукаше. Он как-то подслушал разговор мертвецов на кладбище о том, что свежая кровь продляет молодость.

«...князь Лукаш убил служанку, наполнил ее кровью чашу и выпил. На некоторое время князю показалось, что к нему возвращается молодость. Через несколько дней он убил еще одну служанку, а потом и ее малолетнего сына и выпил их кровь. Когда прошел месяц, соседи стали

жаловаться, что пропадают люди. Солдаты ворвались в дом к Лукашу и увидели его сидящим на груде мертвых тел и пьющим кровь. Солдаты убили Лукаша, а его труп не решились похоронить на кладбище, а кинули в колодезь, что был в подвале дома, и замуровали его. Говорят что с тех пор, недалеко от Градчан можно встретить старого князя, который просит у прохожих крови, чтоб вернуть себе молодость...»

Я начала листать дальше и наткнулась на легенду о шарфе-вампире.

«...Питер выбежал из дома и начал повсюду искать красный шарф, при этом всем рассказывал историю, что его жену задушил шарф-вампир».

И вот я дошла до нужного текста и с интересом начала читать.

Счет вампира.

«Тьма породила кровососов, и Тьма играет с ними, словно со своими любимыми детьми. Давным-давно создала она китайского вампира по имени Куанг-Ши (Kuang-shi). Он отличался от людей заостренными кончиками ушей и длинными острыми клыками, которые не убирались по его желанию, и торчали всем напоказ. Но в древнем Китае много было странных личностей, выглядевших еще и нет так причудливо, поэтому на Куанг-Ши никто внимания не обращал. К тому же он казался слабым и больным. И таковым и являлся. Тьма сделала его слепым, немым и не выносящим солнца. Он бродил среди людей и молил Тьму направить его на путь истинный. Все, что ему удавалось – это вытягивать жизненную энергию у пожалевших его людей. И он питался лишь этим.

И вот однажды Куанг-Ши приютила на ночлег бедная одинокая вдова. Он начал по привычке вытягивать из нее энергию, она почувствовала слабость и уснула. Он ошупью нашел ее и впервые попробовал свежей крови. И чем больше он высасывал, тем сильнее становился. К утру Куанг-Ши прозрел, обрел голос, наполнился злостью и жадой крови. Он решил, что отныне может владеть миром, и начал просить Тьму научить его стать еще сильнее, чтобы по мощи сравняться с самим Сатаной. Тогда Тьма открыла ему один секрет. Если вампир сможет довести счет чего-нибудь, неважно чего, до магического числа 666, то тут же станет равным самому Сатане. Она завещала всем вампирам, неважно, откуда они и какие, стремиться к этому и считать все, что попадется им на пути. И с тех пор ни один из них не может устоять при виде рассыпанного зерна, риса, бус, опилок и всего прочего, мелкого и кажущегося количеством 666.

Люди пользуются этим суеверием, и во многих странах существует обычай рассыпать на могиле вампира зерна, чтобы он считал их, когда вылезет ночью на охоту. Если он не сможет закончить до рассвета, то охота так и не состоится. И при первых лучах солнца вампир вновь заберется в могилу».

Я вспомнила, как Рената ползала по полу, ее остекленевший взгляд и вздрогнула, так как она в этот момент вошла в комнату.

– Ознакомилась? – нервно спросила она.

Я кивнула, закрыла книгу и положила ее на диван.

– Знаешь, я даже рада, что ты рассыпала бусы, – сказала она. – Зато ты получила оружие защиты. Мало ли что может произойти.

– Хорошо, буду сейчас всегда носить при себе... пакетик с маковыми зернышками, – сказала я и улыбнулась.

Я хотела пошутить, но Рената восприняла мои слова серьезно. Она одобрительно закивала и заметила, что это разумно.

– Никто из вампиров не может устоять перед этим, – добавила она. – А уж маковые зернышки! Их так много. Их запросто может оказаться нужное количество!

– А разве нельзя просто прекратить считать? – спросила я.

– У людей тоже есть непреодолимые суеверия, – ответила Рената. – И вы чисто машинально, плюете, к примеру, через левое плечо, чтоб не сглазить, или стучите по дереву. Разве задумываетесь? Это на уровне рефлекса. Так и мы.

– Ясно, – сказала я. – Но мне неприятно думать, что я должна защищаться... от тебя или Грега.

– Речь вовсе не о нас, – нахмурилась она. – Мало ли!

– Ясно, – повторила я. – Но лучше закроем тему. А то мне как-то не по себе.

– Хорошо, – улыбнулась она. – Но я хотела попросить отвезти кое-что Грегу.

Рената поманила меня за собой.

Мы вышли из гостиной и направились в ее мастерскую. Рената обладала необычайным живописным талантом. Вампиры не отображаются ни на фото, ни на видео, и мне ее искусство было только на руку. Я тосковала вдали от моего любимого, у меня не было его фотографий. А вот картина имелась. На ней мы сидели спинами друг к другу. Он на темной половине, а я – на светлой. Но существовала еще одна версия этой же картины. Она находилась у Грега. На ней мы уже поднялись с земли и стояли, прислонившись спинами друг к другу. Рената добавила лазоревую бабочку, сидевшую на моей приподнятой и раскрытой ладони. Когда я смотрела на картину, то мне отчего-то безумно хотелось, чтобы бабочка перелетела на темную половину и опустилась на руку Грега. Сама не знаю, откуда возникало такое желание.

«Может, Рената нарисовала еще одну версию? – обрадовалась я, заходя за ней в мастерскую и внимательно осматривая стены. – И там моя фантазия осуществилась».

Рената написала много новых картин, это я сразу заметила. Но нас с Грегом я, приуныв, не увидела. Зато посередине стены висел большой портрет седовласого мужчины. Он был одет во все черное, находился в каком-то тонушем во мраке помещении, и серебристая седина красиво выделялась на общем темном фоне. Но его жестокое суровое лицо меня испугало. Резкие неприятные черты, сжатые узкие бледные губы, мертвенно-серое лицо вызывали неконтролируемый страх. А горящие злобой угольно-черные глаза казались живыми и будто следили за мной с полотна.

– Атанас, – коротко представила Рената.

– Как реалистично, – едва сдерживая дрожь ужаса, заметила я.

И тут же всерьез решила обзавестись маленьким мешочком, наполненным до отказа маковыми зернышками, и всегда носить его с собой.

Рената, видимо, думала о чем-то подобном. И хотя она не умела читать мысли, но вдруг тихо проговорила:

– Я вижу, ты постоянно носишь кулон, подаренный братом. Чую, он наполнен его кровью. Грег дал тебе ее, как лекарственное средство... на всякий случай. Но вот что странно, исходящая от кулона энергия непонятным образом меня успокаивает. Надеюсь, она так же будет влиять и на...

Рената замолчала и повернула голову к картине. Я невольно тоже посмотрела на портрет. Мне показалось, Атанас начинает улыбаться довольно ехидно, а его глаза неотступно следят за нами.

– И на моих близких, – закончила она фразу.

– А портрета Порфирия у тебя нет? – поинтересовалась я.

– Где-то был, – задумчиво ответила Рената и начала передвигать многочисленные полотна, стоящие вдоль стены. – Ага, вот и он! – радостно произнесла она и достала небольшую картину.

Поставив ее на мольберт, чуть отошла. Я увидела мужчину, настолько непохожего на вампира, что удивленно глянула на Ренату. Она улыбнулась. Порфирий изображался сидящим на каменной скамье возле какого-то высокого громоздкого здания, похожего на средневековый

замок. Общий фон картины был туманным и серым, и тем ярче казалось его лицо. Блондин с большими навывкате светлыми глазами, полными розовыми губами и довольно добродушным выражением румяного лица никак не ассоциировался у меня с вампирами. По сравнению с мрачным, злобным Атанасом он выглядел благожелательным и спокойным.

– Портрет соответствует действительности? – невольно поинтересовалась я. – Или ты приукрасила?

– Нет, Порфирий так и выглядит, – ответила Рената. – Но ты особо не очаровывайся. Мы – вампиры. Всегда помни об этом!

– А ты отчего не хочешь соединиться с семьей? – осторожно спросила я. – Грег в летний период предпочитает туманный сырой Лондон.

– Люблю быть одна, – неохотно ответила Рената и поставила портрет Порфирия лицом к стене. – К тому же хочу отправиться на остров Ян-Майен⁴. Я там еще не была. А вот Грег несколько раз проводил там лето.

– Да? – тут же заинтересовалась я. – И что там?

– А ничего! – усмехнулась Рената. – Там и населения-то нет, что меня лишь радует. Гористая местность, вулкан, мхи и трава. Сейчас там минус десять. И туманы, почти постоянно густые туманы. Идеально!

Я вздохнула, представив Грега в полном одиночестве в таком суровом окружении.

Тут мой взгляд упал в угол мастерской, я заметила не совсем законченную картину, изображающую высокие сосны, росшие на скалистом берегу какого-то большого озера. Вода и небо были густого аквамаринового тона, хвоя сосен – изумрудно-зеленой. И от этих насыщенных цветов картина выглядела немного неправдоподобно, словно это не живая природа, а какой-нибудь сказочный пейзаж.

– Зачем тебе уезжать на этот пустынный холодный остров? – заметила я. – Когда ты можешь прямо сейчас оказаться возле этого синего озера.

И я показала на незаконченную картину.

Рената обладала даром оказываться как бы внутри своих картин. Как-то она при мне «нырнула» в одну из них, и когда я ее позвала, она меня, казалось, не слышит и не видит, хотя я наблюдала за ее передвижениями внутри пейзажа, словно смотрела цветной фильм.

– Да, могу, – после паузы ответила она и легко улыбнулась. – Но, сама видишь, именно эта картина не дописана. К тому же Грега тревожит такое времяпрепровождение.

– Он боится, что ты не захочешь вернуться в реальный мир? – уточнила я. – Но разве это возможно? Ведь твои похождения внутри картин что-то вроде игры. Или я неправильно понимаю происходящее?

– Вначале я видела нарисованный мир, – ответила Рената. – Но чем чаще я там гуляю, тем все более настоящим он становится. Листья, цветы, деревья и все остальное, написанное мной на холсте, уже не выглядит сотворенными из масляных красок. Даже появляется запах свежей зелени, воды, аромат цветов, я часто чувствую дуновение ветра. Грег в чем-то прав. А вдруг однажды я создам такую идеальную для меня картинку, что захочу в ней остаться навсегда? Кто знает, какие метаморфозы постепенно произойдут со мной.

– Все это удивительно, – прошептала я, не сводя глаз с озера, синеего между коричневыми стволами сосен.

Рената глянула на меня, сказала, что совсем забыла, зачем меня позвала, и мне, видимо, уже пора домой. Я оторвалась от созерцания картины и повернулась к ней. Она взяла с полки большую лаковую шкатулку и достала овальный медальон.

– Передай это Грегу, – попросила она и протянула его мне. – Украшение сделано по его эскизу, а вставки я недавно закончила.

⁴ Ян-Майен (норв. *Jan Mayen*) – остров между Гренландским и Норвежским морями.

– Ой, какая прелесть! – восхитилась я.

Погладив холодную поверхность платины, начала изучать вензель на крышечке, красиво сплетенный из двух букв «Г» и «Л». Их контуры сверкали крохотными камнями. Буква «Л» ярко-синими, видимо, сапфирами, а буква «Г» явно рубинами. Я раскрыла медальон. И замерла. На левой створке находился искусно выполненный портрет Грега, на правой – мой. Наши лица изображались повернутыми влоботорота друг к другу.

– Надеюсь, ему понравится, – пробормотала Рената.

– Еще бы! – воскликнула я. – Ты просто чудо. Какой у тебя дивный талант!

Я машинально бросилась к ней, чтобы обнять и поцеловать, но Рената резко отпрянула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.